

АЛЕКСАНДР АРИСТАРХ ЗАХАРОВ

18+

ГОРИЗОНТ, КОТОРОГО НЕТ

Темная тайна Черного моря

Александр Аристарх Захаров
Горизонт, которого нет. Темная
тайна Черного моря. Книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70401367

ISBN 9785006246140

Аннотация

«Что такое Горизонт, которого нет?» – спросите вы. Немногим удалось его видеть, но те, кто видел, смогут ответить: «Это потеря ориентира». Зачастую жизнь складывается именно так, что мы в ней не понимаем, куда нам идти и что делать. Эта история отнесет нас в Россию 19 века и познакомит с героем войны по имени Ярослав Орлов, которому придется схлестнуться не только с тем, что приготовила ему жизнь, но и с неведомыми силами, а также невероятно сложной задачей – найти свою истинную любовь.

Содержание

От автора. Предисловие	5
Об авторе	7
Александр АРИСТАРХ Захаров	7
Глава 1 Пролог	12
Глава 2 Небом дается начало истории, каждому время дает по звезде...	24
Глава 3 Чертоги тайн	46
Глава 4 Море лишь для моряков	76
Конец ознакомительного фрагмента.	116

**Горизонт, которого нет.
Темная тайна Черного моря
Книга 1**

**Александр
Аристарх Захаров**

Редактор Вероника Кузмина

© Александр Аристарх Захаров, 2024

ISBN 978-5-0062-4614-0 (т. 1)

ISBN 978-5-0062-4615-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора. Предисловие

Роман является фэнтези-историей, родившейся из одноименной музыкальной композиции «Горизонт, которого нет», принадлежащей Автору и метал-проекту «ARISTARH».

Роман не является историческим, хотя и основан на реальных прообразах личностей.

Описанная история является полностью вымышленной. Совпадения с реальностью могут носить случайный характер или иметь художественный оттенок.

По канонам истории России и зарубежной истории выдержана только эпоха (XVIII—XIX века нашей эры), восстановленная по историческим справкам, достоверность которых Автор подтвердить не уполномочен.

Роман содержит сцены насилия и жестокости, поэтому не рекомендован лицам младше 18 лет.

Автор оставляет за собой исключительное право на все возможные образы героев и сюжет, описанные в романе, а также право полного запрета их использования без его согласия или согласия полномочных представителей Автора.

Автором категорически запрещено использование сюжета и его частей для любых постановок и экранизаций, создания сценариев, сиквелов или ремейков настоящего произведения, без письменного одобрения Автора или его право-

мочных представителей.

По настоящему роману Автором написана и издана неоклассическая метал-опера, которую можно прослушать, пройдя на ресурсы:

Благодарности:

Елена Захарова

Виктор Лев

Вероника Кузьмина

Об авторе

Александр АРИСТАРХ Захаров

Писатель, поэт, певец, музыкант, композитор, звукоорежиссер, инженер, философ.

Биография:

Родился 18 августа 1987 года в Москве.

Выходец из обыкновенной рабочей семьи.

Закончил Московскую Финансово-Промышленную Академию (ныне Университет) по специальности инженера-программиста в 2009 году.

Рабочую деятельность начинал параллельно с учебой в должности слесаря механо-сборочных работ, токаря и инженера электронщика на заводе ОАО МТЗ Трансмаш с 2004 года. Затем на 3 курсе института перешел на должность инженера-программиста на том же предприятии в конструкторском бюро с 2007 года. С 2009 по настоящее время – руководитель направления в ИТ-подразделении.

На последних курсах ВУЗа вел преподавательскую деятельность по классу программирования и информационной безопасности. Преподавал на курсах повышения квалификации OTUS.

Изначально не имел никакого представления о вокале и музыке в целом. Творческой деятельностью в музыкальной, поэтической и писательской сфере начал заниматься с 2007 по настоящее время. Окончил курс эстрадного вокала в ПЦ «Мастерская эстрады Маэстро» у преподавателей

И.Д.Шипиловой и Ю.Ю.Струнниковой.

С 2009 года – автор, вокалист, поэт и композитор музыкального рок-проекта АРИСТАРХ. С 2016 года – дополнительно автор литературного проекта АРИСТАРХ.

С 2014 по 2016 год – звукорежиссер и совладелец студии звукозаписи МАЭСТРО и K709STUDIO. Ныне собственная студия – ARIS-STUDIO LTD

В ряды профессиональных музыкантов попал издав студийный альбом «Коллекция судеб» в 2013. Начал заниматься музыкой раньше. В 2020 второй студийный альбом «Кодекс», в 2021 – ремастеринг 1 альбома и выход первых композиций нового проекта по роману «Горизонт, которого нет».

В ряды профессиональных писателей попал с 2019 года, хотя занимался ею уже давно при выпуске 1 романа «Главное... Жизнь» (психологическая драма). В 2020—2021 года – зачислен в ряды интернационального союза писателей России и Лондонской гильдии писателей. Участник Московских международных литературных выставок-ярмарок 2019—2021 годы.

Основным направлением была выбрана – драма. Большая часть произведений предназначена для взрослого поколения от 14 лет и старше. Попытки автора писать в детской сфере потерпели крах и не одно произведение им самим не было отправлено в печать и представлено публике.

Архив Автора имеет следующие направления и достиже-

ния:

Крупная проза:

- Роман «Главное... Жизнь» (психологическая драма) + аудио-книга по роману с озвучиванием по ролям и музыкой.
- Роман «Если бы у меня были крылья...» (фэнтези, трагикомедия) + аудио-книга по роману с озвучиванием по ролям и музыкой.
- Роман «Горизонт, которого нет» (фэнтези, драма, фольклор)

Малая проза:

- Серия рассказов «Драмы сего дня»
- Серия рассказов «Путевые рассказы»
- статей о путешествиях серии «Путевые рассказы»

Поэзия:

- Стихи на песни проекта Aristarh (АРИСТАРХ)
- Стихотворений серий «На день грядущий»
- Стихотворений серий «Акрополь сновидений»

Музыка:

- Макси-сингл – «Величие тайн» 2009
- Сингл – «Атомный сон» 2012
- Полноформатный альбом – «Коллекция судеб» 2013
- Сингл – «Сталь наши споры решит» 2014
- Сингл – «Ты всего одна» 2015 (с участием Артура Беркута)
- Полноформатный альбом – «Кодекс» 2020 + книга-альманах с фото-историями в виде «живых комиксов».

– Сингл – «Солнце в крови» 2021

– Сингл – «Мёртвая мечта» 2021—2022 (в поддержку романа Горизонт, которого нет)

– Сингл – «Внутри меня» 2022 (в поддержку романа Горизонт, которого нет)

– Сингл «Вечная история» 2023 (в поддержку романа Горизонт, которого нет)

Основная часть творчества представлена на официальных страницах группы проектов АРИСТАРХ и группах социальной сети ВКОНТАКТЕ.

В свободное время Александр (АРИСТАРХ) Захаров увлекается игрой на музыкальных инструментах, проводит время в кругу друзей и семьи, занимается дайвингом, программированием, управление самолетом, прыжками с парашютом, изучением разнообразной литературы.

Глава 1 Пролог

Как-то раз, в середине 2014 года, занесло меня в командировку. И ни куда-то там, бог знает куда, а на юг, на море.

Звать меня Андрей. Работаю я инженером-проектировщиком по строительству мостов и переправ в одном российском конструкторском бюро по профилю. Казалось бы – сиди себе в офисе с кондиционером, да рисуй свои модели, разрабатывай чертежи, решай проблемы по мере их появления... Но. Не в этот раз! Заказ, который поступил в наш конструкторский отдел, был сравним по масштабу с пирамидами в Гизе. Иначе говоря, должен был выдерживать суровые условия соленого моря, штормы, даже столкновения с кораблем, и чтобы все было нипочем этому мосту. Задача была серьезная, и выезжать на объект необходимо было всей бригаде конструкторского отдела.

Сам я – бывший моряк. Читатель наверняка спросит – на кой черт я поменял морскую романтику на жизнь канцелярской крысы? Отвечу – сперва хлебните чарку горечи службы в команде отъявленных филиппинцев или украинцев, рискните жизнью, не обмочитесь при шторме в девять баллов, повстречайте пиратов и останьтесь в живых, набив морду парочке, и постарайтесь не умереть от усталости... потом поговорим!

Найдя время выучиться, и подзаработав подъемных де-

нег, я списался на берег и об этом решении никогда не жалел. Единственное, чего было мне от той жизни жаль – не нашел я той самой романтики, не услышал тех самых историй ярых мореходов, не увидел морских чудовищ, русалок и прочих чудес (чудом было в замусоренном океане борт не пробить обо что-нибудь), да и друзей «на всю жизнь» не сумел найти. Хотя не поспорю, что были и светлые моменты. Особенно при заходах в порты разных стран. Забавны заходы в не самые бедные, но и не богатые порты – это как легендарная «Тортуга». Девушки достаточно доступны, так как тупо зарабатывают собой в порту, алкоголь, еда, развлечения со всего мира – стоит только зайти в припортовые заведения, на которых, собственно, весь портовый город и живет. В богатых такого не встретишь – там поостроже все, и намного скучнее, в бедных наоборот – так все плохо, что выходить просто опасно, особенно если деньги есть – тебя запросто убьют за пару десятков долларов, на которые грабитель сможет прожить пару месяцев. А девушки настолько измождены жизнью обслуги и проституцией, что, глядя на них, кажется, они уже мертвы, но еще не знают об этом. Так что «средние» порты – самое то.

Жизнь в море достаточно сильно десоциализирует человека. Недаром говорят, что это, по сути, тюрьма. В рейс уходишь надолго, кругом одни и те же лица, успеваешь забыть, как вообще живет на гражданке, и по возвращении чувствуешь себя таким глупым, будто жизнь без тебя лет

на сто ушла, а ты остался. Да и отношений никаких не построишь. Какая современная девушка будет ждать своего «героя» из похода? Верно – никакая! Либо изменит, либо уйдет, либо изменит и уйдет. Редкость – встретить верную и сидящую дома девушку, ждущую своего морехода. Сказки все это.

Еще хуже – если команда подбирается плохая, или капитан и офицеры отморозки. С такими неделя за год жизни, наверное, если не больше. Подчас, морально устаешь сильнее, чем физически, хотя и физически устаешь так, что сон не идет – так сильно болят голова и тело.

Словом, не жалел я о списании на берег, длительном переобучении и изменении в корне всей жизни, но портовые заведения посещал. Общался, искал фольклор или просто истории под стаканчик виски. Но чаще всего напарывался на старых пьянчуг или дураков, ищущих драк. И все же иногда везло.

Вот и сейчас, после прибытия на место дислокации, расположения в гостинице и пары дней усердной работы в душном строительном вагончике, я желал только выпить темного рома или добротного виски, расслабиться и потешить себя новой портовой историей, от какого-нибудь халявщика-морехода, желающего догнаться за чужой счет.

Надо сказать, что город, где располагался порт, был совсем небольшим, но береговую линию нестройным рядом украшали старинные здания, а чуть поодаль был ви-

ден замок. Остальная часть – это мелкие дома советской и постсоветской постройки, портовые сооружения, магазины, несколько баров, кафе и частный сектор из совсем уж старых на вид домов. Городок так себе. В портовый бар, что поближе, я и зашел.

В нос ударил запах перегара, табака и затхлого помещения. Как и большинство баров и харчевен близ порта – он выглядел дешево и сердито. Скромный интерьер, деревянные лавки, немного смердит рыбой и водорослями в окно с моря. Впрочем, это заведение было не таким уж плохим, в нем имелись и диванчики, и мягкие стулья и даже картины на стенах – словом, «роскошь» для такого местечка.

Я задержался на входе буквально на секунду, а на меня сразу же уставились абсолютно все, кто там на тот момент находился. Тишина, даже икнуть страшно. Но я и не подумал вида подать, что зашел не туда, направился к бару. Один бугай, сидевший у барной стойки, не спеша поднялся и пошел навстречу, подойдя ко мне почти вплотную произнес:

– Это не то место, где туристов и чужаков любят...

– А кто сказал, что я чужак? – спокойно ответил я.

– Хех! А ты на «боцманской дудке» играть умеешь? – ехидно спросил он.

– На боцманской дудке весь флот держится! Боцманская дудка – и покойникам побудка! – усмехнувшись, ответил я и посмотрел ему прямо в глаза. Хм, да штормом в девять баллов не сотрешь из памяти эту флотскую поговорку.

Бугай улыбнулся и, похлопав по плечу, проводил к барной стойке.

– Вот теперь видно, – говорит, – что свой! А то ходят тут всякие бичи¹, да «адмиралы швейцарского флота»²! Отдохнуть спокойно невозможно!

– Так для отдыха же санаторий есть! А тут бы развлечься!

– Будний день! Все в порту! Разгрузка чего-то там для моста, что строят неподалеку! Какая уж тут развлекуха, кроме бухла?!

– И что же? Даже девчонки там, что ли?

– А девчонкам без прикола с двумя с половиной матросами тусоваться! Вот будет день порожняка, тогда уж дааа... – вздохнул бугай.

– Меня Андрей зовут!

– Володя! Но все зовут Вольдемаром!

– Занятно! А чего Вольдемаром-то? Немец, что ли?

– Русский! Эстонцу одному рыло набил за то, что девушку пытался изнасиловать на пирсе. Те, кто разнимал и прозвали... После я его с этого пирса и сбросил остудиться... зимой...

– В рыло – заслужено! Но, все равно не понятно, – говорю, – Ведь Вольдемар – германское имя, означает «Знаме-

¹ Современные бичи – это бродяги, бездельники и пьяницы, которые толкуются в портовых кабаках и выпрашивают выпивку, рассказывая страшные истории о пиратах, зарытых кладах, морских сражениях, кораблекрушениях и тайфунах.

² Шутливое прозвище «адмирал швейцарского флота», означавшее моряка несуществующего флота, так и осталось в ходу.

нитый Властитель», вроде того!

– Так немцы и разнимали! А ты что, шибко умный, что ли?

– Расслабься, Вольдемар! Давай-ка за то, чтобы ветер сильнее дул в твой кливер! – усмехнулся я, разливая из поданной бутылки ром.

– Хоро-о-оший тост!

Потом тостов было еще много. Разговор шел своим курсом. Я хорошо узнал Вольдемара, он был боцманом на сухогрузе. В свою очередь, он живо интересовался мной. Было немного ностальгии, но в основном, я придерживался своих убеждений, что море, конечно, – хорошо, но твердая почва под ногами – лучше. В какой-то момент, внимание вдруг сосредоточилось на мне – почему я послал все к морскому дьяволу, и какого черта занимаюсь мостами, и что я забыл здесь?

Мне, конечно, было, что сказать, но последний вопрос я оставил на закуску:

– Знаешь, иногда становится, – говорю, – тоскливо! Вот и развлекаюсь таким своеобразным образом – походами в припортовые бары, общением с, ну, ты понял, ф- фольклором новым... Не мне тебе рассказывать, какая это тяжелая работа! До романтики подчас... ну, сам знаешь! А романтика, она же есть... – говорил я, уже изрядно заплетающимся языком.

– Ха! Романтика! Скажешь тоже... – усмехнулся Вольде-

мар.

– Ну, а чего?! – не унимался я, – Ты ходишь куда больше моего! Наверняка есть история-другая...

– Не. У меня нету! – отмахнулся он.

– Эх... Жаль... – уже отчаявшись, томно и хмельно вздохнул я.

– Но я знаю тут одного... Вот у него историй... Его тут все благодаря одной такой истории и знают... – внезапно сказал Вольдемар, отхлебнув принесенного пива. И ведь не боят-ся же некоторые градус понижать.

– Seriously?! Познакомишь?

– Не вопрос, только рома побольше придется купить!

– Проблема, что ли?! – усмехнулся я и заказал пару бутылок рома.

Мне уже было хорошо и весело, и я отлично понимал, что если выпью еще, то мало того, что завтра не выйду на службу, да еще и закончится это явным алкогольным отравлением со всеми вытекающими последствиями. Но историю мне услышать хотелось.

Вольдемар внезапно стал довольно серьезным и даже протрезвел. Он отвел меня в закуток, который был вроде привата со столиком и диванчиками. Там сидел, вернее даже уже почти лежал вусмерть пьяный полноватый и бородатый старик. Лицом он лежал на столе, а в вытянутой руке он держал пустой стакан. Запах перегара был такой, что захмелеть можно было от одного вдоха.

– Вот! Это Виктор Сергеевич Павлов, уважаемый мореход... капитан дальнего плавания. Виктор Сергеевич, я к вам... нового друга привел... – сказал довольно громко Вольдемар и едва заметно выпрямился по стойке смирно.

– Пошел ты в (нецензурное выражение), с такими друзьями!! – отозвался лежащий на столе старик Вольдемару, затем на мгновение поднял голову и положил обратно, – Чего тебе надо, юнга? – буркнул он, по всей видимости, мне.

– Говорят, легенду вы знаете об этих местах! А я своего рода – коллекционирую интересные истории! – чуть замаявшись, ответил я.

Молчание. Затем капитан поднял руку со стаканом и стукнул ею о стол.

– Виктор Сергеевич... Не удобно!

– С абордажным ломом в (нецензурное выражение), ходить не удобно! – отозвался Виктор Сергеевич.

– Погоди, Володь! Я все понял! – ответил я, и открыв бутылку, налил в протянутую руку со стаканом.

Виктор Сергеевич мгновенно распрямился. Скажу честно, от неожиданности, я даже испугался, хотя видал разных пьянчуг, но этот оказался самым чудным.

По его лицу не было видно, что он пьян. Строгий взгляд, точные и жесткие движения. Налитый в стакан ром он выпил, даже не поморщившись.

В мыслях у меня пронеслось: «Может он терминатор?!»

Я хотел ему налить еще, но он рукой закрыл стакан, затем

взглянул на Вольдемара, поднял палец и жестом подозвал его поближе. Было странно, даже немного чудно, видеть, как мужик, раза в два больше этого старика, под него буквально прогибается. Он ему что-то шепнул и Вольдемар спешно ушел. Повисла пауза. Старик сверлил меня взглядом, не мигая, минут пять или семь.

– Меня зовут... – хотел я нарушить молчание.

– Я разве спрашивал? – перебив меня, произнес старик, при том настолько четко, что я, как и прежде мой друг, интуитивно выпрямился по стойке смирно.

Старик достал из кармана несколько грецких орехов. Затем стал брать по одному в объятия указательного и большого пальцев ломать их. После вынимал ядра и неспешно ел, не отводя взгляда от меня. Несмотря на то, что у меня были не самые слабые руки, я так сделать не смог бы.

Признаться честно, старик действительно умел себя эффектно подать – тяжелый взгляд капитана, способный сломать любого, и строгие повадки внушали неподдельный трепет. Я давно таких не видел. Он некоторое время продолжал выдерживать паузу и молча смотрел на меня, словно рентген.

Вернулся Вольдемар и принес графин воды и блюдо с закусками. Виктор Сергеевич смахнул со стола шелуху от орехов, затем перевел взгляд на еду, закусил, выдохнул, и снова взглянул на меня, уже чуть более спокойным взглядом:

– А вот теперь спрашиваю! Как зовут тебя, юнга?

– Андрей, отставной сержант, моряк Второго класса! – от-

чеканил я, понимая, что с этим стариком шутки могут закончиться плачевно.

– Присядь... сержант! – повелительно сказал он, я присел и он продолжил, – Что? Историй своих нет, раз чужие клянчишь?

– Любопытство, товарищ-капитан! А о вас очень хорошо отозвался мой новый друг...

– Вольдемар?! Обо мне?! Хорошо?! – засмеялся Виктор Сергеевич, – А-ха-ха-ха! Да в жизнь не поверю! – засмеялся он так, что еда, недавно отправленная в рот, вылетела наружу. Мерзкое зрелище, но капитана это не особенно заботило.

Я сидел молча в ожидании пока капитан закончит трапезу, что откровенно напоминало свинячий полдник. Много говорить с такими личностями не стоит, ибо нарвешься на матерный комплимент или драку, и ничего толком не добьешься. Поэтому я терпеливо ждал.

– Ха! А ты, смотрю, терпеливый! На рыбацкой шхуне с филиппинцами³, что ли, ходил? – произнес Виктор Сергеевич, утираясь после сытного ужина и запивая водой.

– На торговых! Пару лет на сухогрузе, год на рефрижераторе, два года на балкере⁴ потом...

³ Филиппинцев считают самыми отморозенными и гадкими моряками. Они все повально идут в моряки, но работать с ними нормально невозможно. Подставы, интриги, подлости, драки по 20 человек на одного – это самая малость из всего, что они вытворяют.

⁴ Суда для навалочных грузов (балкеры) подразделяют на рудовозы, суда, перевозящие наиболее тяжелый груз, суда для легкого груза и универсальные.

– И пиратов повидал?

– Нет. Бог миловал. Но друзья повидали...

– Ну, надо же за друзей, что в море остались, выпить?! –

произнес капитан с загадочной улыбкой косясь на бутылку рома. Это был не то вопрос, не то предложение. Без лишних слов я налил.

– Вздвогнем! – произнес капитан, и, не морщась, выпил.

– До дна! – ответил я и выпил. Как ни странно, за то короткое время, пока я был с ним, я даже немного протрезветь успел.

Этот старик умудрился во мне всколыхнуть то самое ощущение некоторого трепета перед «старшим по званию». Нечто подобное я чувствовал, когда впервые оказался на корабле и вышел в рейс – трепет и слегка ватные ноги, но при этом идеальная выправка в ожидании распоряжений. Мы выпили еще, но почему-то в этот раз алкоголь на меня почти не действовал. Я был напряжен в компании этого капитана. В это время капитан говорил о чем угодно, кроме того, что меня интересовало и того, за чем я пришел.

– Ну, так что?! Ищешь истории, о которых никогда не слышал? – спросил он, наконец, после долгой беседы о друзьях, море, ветрах, кораблях и прочей философии.

– Так точно! Ищу... – выдохнул я, от очередной порции крепкого напитка, при отсутствии закуски.

На улице тем временем уже стемнело. На небо взобрались звезды, луна была скрыта в тени Земли, а на море был мерт-

вый штиль, после прошедшего накануне шторма.

Виктор Сергеевич взглянул в окно, и криво улыбнувшись сказал, будто старый пират:

– Есть у меня одна история, о которой ты ни в жизнь слышать не мог! Доводилось ли тебе видеть «горизонт, которого нет»?

– Это как?

– В безлунную ночь, в штиль, когда море так спокойно, что звезды отражаются в нем, и создается впечатление, что небо находится в воде, а линия горизонта стирается... Ни один мореход не рискнет выйти в море в такую ночь...

– Почему же? Зная фарватер...

– Слушай и не перебивай! Умник! – оборвал капитан, – Потому, что в такую ночь надо думать только о жизни, любви и хорошо знать историю, что я сейчас расскажу... Итак... Два с половиной века назад...

Глава 2 Небом дается начало истории, каждому время дает по звезде...

Летнее утро на окраине Стамбула недалеко от порта.

Нельзя сказать, что к приходу русских в Турции девятнадцатого века относились совсем уж враждебно, но и сказать, что были рады, тоже было бы опрометчиво. Очередная война, разразившаяся между державами, не оставляла выбора. Имперские амбиции и жажду отмщения радикальных османов можно было утихомирить только на поле брани. За столько лет и пройденных войн, османские паши так и не смогли усвоить, что не стоит будить русского медведя. Радикалы отступали в Сирию и Египет. Большие и победоносные битвы были уже позади и прямо по курсу были новые мирные переговоры. И все же народ, пострадавший с обеих сторон, все еще относился друг к другу с опаской и настороженностью. Вроде улыбаются и проявляют гостеприимность, но что кроется за этой улыбкой и гостеприимностью, оставалось только догадываться. Все же разные миры: разнятся вера, быт и устои, не говоря уже о мыслях и представлениях о чести.

Лачугу, в которой остановился капитан Ярослав Орлов, гостиницей было назвать трудно, и все же она так называ-

лась. Остановиться в ней было вынужденной мерой. Отчасти потому, что без сопровождения можно было нарваться на бандитов, отчасти потому, что средств на обратную дорогу капитану, попросившему отставку в разгар больших перемен, было выделено крайне мало.

Ярослав Орлов был настоящим героем и просто Человеком с большой буквы. Родом с земель Кузбасса, но выросший в Донецкой губернии, куда перебралась его семья. Рассудительный могучий русский мужчина. Единственный сын своего великого отца Владимира Орлова. Умный, образованный, смекалистый. Если и не богатырь русский, то воин – однозначно. Коренастый, широкоплечий, мужественный. Суров в остром взгляде зеленых глаз и по характеру. Но справедлив. А густые русые волосы его и недлинная борода прямиком отсылали к русским былинам.

Жаркий климат был ему привычен, однако турецкий берег был намного жарче, чем Донецкий край, и, тем более, Кузбасс. Это заставляло его и всех живущих здесь просыпаться очень рано, чтобы успеть что-либо сделать или куда-то добраться, пока солнце не в зените. Прямые лучи его превращали время в настоящую пытку.

Ночь была ничуть не легче. Духота наполоам с сыростью на перине из вонючего сена и подушке из тряпья, и вода, что была роскошью, и мысли, с которыми он покидал рубежи битв, и опасения за свою жизнь, так как решился на поездку без сопровождения. Ярослав редко поступал столь необ-

думанно, но в этот раз желание поскорее уехать было сильнее, чем расчётливость. В довершении всего облака чувств его волновала предстоящая встреча с родной землей, и объяснение с отцом.

«Скорее бы уже убраться отсюда!» – только и думалось капитану, который поднимался с тяжелой головой, протирая глаза.

Поднявшись и оправившись, он перекусил лепешкой с водой и побрел вместе с отбывающим обозом к порту, где его ожидал военный парусник. Еще предстояло найти провиант в дорогу, но это было наименьшей заботой. Будучи в мундире военного, поскольку сменной одежды с собой не было, он слишком сильно привлекал к себе внимание. В кобуре лишь шестизарядный и сабля в ножнах, нервы как струны, а на лице офицерское спокойствие. Глядя на него, казалось, что даже с таким скудным боезапасом он способен победить любого врага, что было не так уж далеко от правды. Но в этот раз все прошло без приключений и на горизонте уже виднелись причалившие корабли с знакомыми флагами.

Впереди ждали родная земля и дом. Но все это было истинной заслугой его отца – Владимира Орлова, урожденного крестьянина. Ярослав истинно уважал и чтит своего родителя, и с детства мечтал быть ему под стать. Хотя и не разделял некоторые его мысли и поступки, а также довольно суровый нрав и характер. Тем не менее, он не смел ему перечить, так как знал, что всё, что делает отец не лишено смысла, да-

же если смысл не очевиден. Однако тяжкий груз на сердце, который Ярослав не мог простить в первую очередь самому себе, сильно бил по самолюбию. Ведь отец его многого достиг на войне, стал крупным феодалом, отстроил имение, был сравнительно богат и влиятелен.

Мало кто из ныне живущих помнит, что феодалы – это землевладельцы (князья, бароны, графы), которые в большинстве своем были тиранами на своих землях. И хоть они были под пятой у Императора, который и принимал все решения о назначении владыки той или иной земли, на своей земле они могли творить почти все, что душе угодно. Каким способом пополняется казна, верховную власть волновало только тогда, когда эта самая казна переставала пополняться от сего региона. На проблемы дворянства, купечества и, тем более, мещанства, верховной элите, мягко говоря, было наплевать. Все проблемы на ведомственной земле решали феодал и его дружина.

Стоит ли говорить, что судьба низших сословий была незавидной? Стоит! Много людей тогда умирало от голода и болезней. И это, увы, было в порядке вещей. Жажда жизни людей низших сословий доводила их до отчаяния, поэтому в эту пору воровство, разбои, насилие и убийства были едва ли не нормой жизни. По идее, власть должна контролировать это, но феодалы в большей степени думали о том, что можно выжать из своей земли и людей, а не о том, как этим людям на земле живется. Поэтому силовики того времени

стояли в один ряд с разбойниками, и защищали земли и свой народ только от внешних врагов. От внутренних же – только когда дело касалось нападения на элиту, вельмож, дворян. Несправедливое отношение, унижения, рабский труд, отсутствие возможности учиться и менять сословия – все это доводило людей до полного отчаяния. Ведь если ты не родился с «золотым билетом», то получить его при жизни было почти невыполнимой задачей. Потому смутные времена уже были не за горами.

Так жилось не везде, но во многих провинциях Российской империи...

Отец Ярослава – Владимир Орлов – как раз и был счастливым исключением. Он сильно контрастировал на фоне обнаглевших и зажравшихся землевладельцев. Во многом сказывалось его происхождение. Но и жизненный путь сказывался – он самостоятельно поднялся из самых низов – из крестьян. По тем временам это было неслыханно, и подобные случаи единичны.

Будучи крепостным, он героически проявил себя, когда на землю пошли войной османы. Будучи с роду весьма хитрым, организованным, харизматичным и волевым человеком, Владимир сплотил около пяти сотен крепких мужей разных сословий, и заманив в ловушку войско османов, где было почти в три раза больше воинов, умудрился их перебить, потеряв не больше пятидесяти человек. В том бою был спасен и один из русских генералов, коего обманом о мир-

ных переговорах, сумели пленить османы. Вести об этом, немедля донеслись до самого Императора.

Такую славу затмить было нечем, и феодал, владевший той землей, даровал свободу Владимиру, его семье и новоиспеченным воинам. Проявленные стойкость, тактика, самоотверженность и решимость восхитили и самого Императора, и тот пожаловал титул дворянина Владимиру и взял его на службу. Многие из героев того сражения также получили привилегии, награды или поступили на ремесленную учебу, царскую службу или в дружину.

И все же из всех, кто был с Владимиром, амбициями был наделен только он. Мечтавший изменить жизнь в Российской империи к лучшему, он счел эту возможность даром Всевышнего. О чем он не раз возносил хвалу ему в молитвах. Разумеется, такой дар требовал благородных целей и не мог служить для личного обогащения.

Служба давалась Владимиру сложно, так как оказалось, что командование в своем большинстве – полные идиоты. Выходцы из избалованных светской жизнью дворян, князей, графов и прочей элиты – в массе своей многие и пороха-то не нюхали, и командовать не умели, несмотря на должное к тому образование. Бесспорно, были и действительно хорошие, грамотные полководцы, но их было очень немного. Поэтому Владимир ценил солдат – тех, кто на поле боя кует победу.

«Поле боя – это не шахматная партия и не место для пока-

зательных выступлений! Это боль, кровь и сломанные жизни. И только крепкий духом солдат, за которым стоит уверенный командир, может пройти сквозь это!» – часто говорил он. Многим военачальникам виделось обратное и, разумеется, речи Владимира были им не по душе. На их взгляд, он отстаивал интересы «расходного материала». Владимир был слишком честен. Инициативы его не имели успеха у чинов и знати. Тем не менее, только бойцы Владимира выходили из многих битв живыми и чтя своего командира, в то время как у других командиров гибли взводы и целые полки.

Также Владимиру были чужды светские рауты, и – особенно – дуэли, которыми грешила почти вся верхушка. Косой взгляд, толчок в плечо, или, не дай Бог, несогласие в споре – всё, перчатка брошена была в тот же миг. Просто набить морду друг другу считалось уделом черни, дворяне имели «счастливую возможность стреляться». Отказ от дуэли – позор для всей фамилии, иногда лишение военного титула или, как минимум, отношение как к трусу. Как максимум, могли разжаловать из дворян по кляузам влиятельных чинов. Поэтому избегать конфликтов не получалось даже у самых миролюбивых дворян.

Тем не менее, Владимир учил сына: «Дуэль – это напрасный риск! Бороться надо во имя чего-то стоящего, а обидчика если и нужно наказывать, то другими способами!».

Один из таких способов он сам и выработал. Брошенное оскорбление он либо игнорировал, либо спускал на тормоза,

оттого у дворянского сословия и было к нему несерьезное отношение. Дескать, боится рискнуть жизнью, чтобы отстоять свою честь, что естественно для крестьян. Негодяя за свою обиду Владимир наказывал, подстерегая в укромном месте. Бил от души, не до криков «Ай! Ребра-ребра!», а пока обидчик стоять и говорить не сможет. Изнеженная элита толком драться не умела, так что за дерзость получали сполна. В особенности смешно выходили такие случаи на светских раутах, когда в уборную уходил «целый» обидчик, а обратно выполняло хорошенько «отбитое мясо», и никто ничего не видел. Оттого Владимира побаивались и если сквернословили, то только за спиной, боясь попросту потерять зубы и здоровье. Засады от наемников также терпели крах. Владимир мог за просто обезоружить и избить пятерых.

Стоит, правда, сказать, что была пара известных случаев, когда Владимир всё же принял вызовы стреляться на дуэли. Так не стало барона Де-Вагнера и князя Печушкина. Первый умудрился прилюдно сравнить Владимира с сыном шлюхи и личной шавкой Императора, имея ввиду, что тот вышел из крестьян Императору благодаря. Второй просто был редким мерзавцем и часто подначивал его на дуэль из-за личной неприязни. Печушкин был брюзгой и задирой, рангом выше Владимира, но получившим его по наследству. Потому, любые инициативы Владимира его возмущали, как нарушающие исконные устои и возвышающие простолюдина. Владимир стрелял быстрее, зная о задержке оружия при вы-

стреле, и, когда секундانت говорил «три», на первые две буквы слова курок был уже спущен, а на последнюю противник уже падал замертво, не успев выстрелить.

После окончания службы, за неоднократные победы, Император отдал Владимиру в распоряжение несколько земель. Кроме того, около трёхсот крепостных душ для работы. Не самых хороших, конечно, но «дареному коню в зубы не смотрят» счел Владимир, и возражать не стал.

Изрядно уставшему и постаревшему от битв, как на поле брани, так и в кулуарах власти, Владимиру было уже за тридцать пять (обычно до этого возраста доживали не многие). И теперь предстояло вернуться к тому, от чего он ушёл давно, правда, в другой роли. В роли главы. В крестьянах он по-прежнему видел несчастных людей, которых обделила судьба. А приличное жалование за военную службу позволяло Владимиру думать, что все в его силах. Потому он спешно откланялся и поехал осмотреть владения.

И вот, только стоя на своей земле, убедился Владимир в «щедрости» Императора. Дарённый им «конь» требовал невероятных сил и вложений. Земля к юго-востоку от Юзовки в полях оказалась обедненная, каменистая, а в лесах, довольно обширных, – заболоченная. Неподалеку были горы, потому на часть земель часто нападала засуха, а другие же, напротив, заливали дожди. С гор случались оползни.

Триста крепостных, что были отданы к землям в придачу, состояли из доходяг, женщин, детей, стариков. Едва ли

на сотню набиралось более-менее крепких молодых мужей. Ни бойцов дружинных, ни ремесленников, ни кузнецов. Будто с глухой деревни или с полей соседней области согнали всех неугодных к работе, заставили построить землянки, да и подарили Орлову.

Могли ли эти проблемы остановить Владимира? Едва ли!

За пять лет усердной работы вместе с несколькими однополчанами, пришедшими на помощь, и крепостными крестьянами, Владимир сумел распахать и обогатить земли, отстроить деревни, возвести храм и даже проложить дороги, что очень помогло наладить промысел и ремесла. Крестьян он уважал, как тех же солдат, считая их тяжкий труд мирной войной за жизнь и благополучие. И работавшие на Владимира люди видели его отношение. Пусть ещё не все жили сыто, но крестьянам уже было с чем сравнить – и это была лучшая их доля. Предыдущие помещики разорили крестьян, деревни почти вымерли от болезней и голода, развитию промыслов мешали набеги разбойников, и уж тем более не было помыслов у господ о благоустроении и разделе урожая с холопами.

Владимир же с ходу оценил положение дел, и наперво созвал дружину, самолично занявшись её обучением. Обязал иметь в каждой деревне, как минимум по одному лекарю, потратив на это солидные суммы из своих сбережений, и заняв у тех, с кем успел сдружиться. От этого в деревнях воцарился порядок и люди, наконец, перестали умирать от все-

го подряд. Следующим шагом стало создание Совета деревень. Первоначально Совет помогал Владимиру в решении споров, проблем, вопросов, в подсчетах по уплате налогов, подготовке запасов, а позже взял на себя и функции суда.

Часть лесов пришлось вырубить под уголья, дома и на продажу. Этот, очень тяжелый для всех, период в итоге дал возможность расплатиться с долгами и даже обернулся небольшой прибылью.

Особо Владимир выделял образование, традиции и духовность. Умные мужчины потенциально выходили в его коммуне на первый план. Отличившихся он даже лично освобождал от крепостной ноши и отправлял учиться, если позволяли возможности и средства. Благодаря этому у народа появился стимул жить и надеется на светлое будущее.

Тем не менее, даже для самих крестьян было неслыханно, чтобы хозяин сам работал наравне с холопами. Владимир же специально обращал внимание на то, что делал и на принимаемые решения, чтобы народ видел громадную работу, которую он вел. Благодаря этому люди проникались к нему не только уважением, но и преданностью.

Сарафанное радио работало тогда не хуже, чем любое средство массовой информации в наше время. И, прознав о возможности лучшей жизни и удела, многие крестьяне из других поместий попросту сбегали на вотчину Владимира, порой бросая все пожитки. Иногда сбегали даже целыми поселками.

Это не могло быть не замечено. Ибо ярость соседствующих феодалов границ не ведала. Испорченные отношения с ними весьма дурно влияли на торговлю. Но, оставаясь дипломатичным, справедливым и осторожным в любых вопросах, а также сохраняя хладнокровие, Владимир всё же смог договориться.

Единственной проблемой, которую Владимиру решить за всю жизнь не удалось, было пьянство. Люди пили постоянно, и к сорока годам, если доживали, были уже крепкими пьяницами. Работали они не в полную силу, совершали много глупостей, частенько с пагубными последствиями. И как ни покажется странным, но чем спокойнее были времена, и чем лучше людям жилось, тем больше они начинали пить. Наказания и запреты не приносили заметных изменений. Не могло на это повлиять и духовенство, которое порой и само во главе с духовниками закладывало так, что просыпалось в компании местных «дам облегченной социальной ответственности». Только беды и катастрофы сплывали людей, и заставляли отказаться от горячительного хотя бы на какое-то время. Но сразу после похорон павших, которых унесла беда или катастрофа – все по новой возвращалось на круги своя. Владимир и сам выпивал малость, но либо без повода, либо для лечения души и тела после слишком тяжелого трудового дня.

Намного хуже дела обстояли в личной жизни Владимира. Становление вотчины и дела быта отвлекали его от заве-

дения семьи до тех пор, пока ропот приближенных не стал походить на оскорбления, а здоровье не начало потихоньку его подводить. Пришлось найти невесту и жениться почти принудительно. Девушка была не особо знатного рода, вполне обыкновенная и робкая. Для ее семьи это было едва ли не манной небесной, так что никто даже слова сказать не посмел.

Свадьбу сыграли скромно, в имении, после венчания в отстроенной Владимиром церкви. Торжество удалось, а вот жизнь в браке была вовсе не сказочной. К жене Владимир относился как к рабыне скорее, ничуть не понимая разницу. Собственное представление о поведении и назначении жены у Владимира сложилось в зрелом возрасте на основе виденного в разных домах и семьях. Жена должна быть верной, покладистой, отдаваться, когда надо, не приставать, когда не надо, родить не менее четырех наследников, уметь готовить, стирать, убирать, штопать одежду и вообще следить за домом.

«Бабы? Да нужны, конечно! Но либо как украшение, либо чтобы работала! Ну, и чтобы приплод выхаживала!» – не раз слышали от Владимира.

Прислугу Владимир почти не держал, разве что конюха, кузнеца и уборщика. Все мужчины. И коли жена работать должна по дому, так чем она отличается от прислуги, за исключением интимных сношений? Иногда возникало смутное чувство, что жена должна быть другой, но какой?! Ко-

гда она проявляла какую-то инициативу, Владимир серчал и пресекал это, либо окриком обижая, либо по лицу отмашкой, а то и вовсе запирал в комнате на хлебе и воде. В свет он ее не выводил. Вместе с женой его видели лишь когда гости сами приезжали в имение или появиться с женой строго требовалось. И это было настоящим испытанием для них обоих. Не могла жена сойти ему под стать, когда дома была на уровне прислуги.

Ярослав свою мать запомнил плохо. И даже не от того, что ее не было рядом, а потому, что Владимир старался сам воспитать сына, не держать его, как он говорил, возле «мамкиной сиськи». Ему был нужен сильный наследник, а не «сопливый маменькин сынок» и «слабый человек». Оттого детство Ярослава не было сладким, как у других дворян. Рано пришлось учиться грамоте и управлению делами: отец брал его с собой и в поля, и в поездки. Часты были и пешие прогулки по лесам и окраинам. Учил Владимир сына драться и владеть оружием. Условия, конечно, не были совсем спартанскими, но и покоя было мало. Всё, что успел Ярослав о женщинах из детства своего вынести – что это матери-кормилицы и более слабое племя, кое нужно защищать. И более Ярославу было неведомо. Затем пошла учеба кадетом, потом армейская служба. Молодой дворянин стал взрослее, возмужал, и невольно проявлял интерес к противоположному полу. Но благодаря воспитанию отца, все время думал, что это слабость и даже стыдился своих мыслей о женщинах. Бары-

чень близко к себе не подпускал. Считал достойным только мужское общество и только мужскую дружбу – настоящей.

Воспоминания сами собой роились в голове Ярослава, пока в пути было спокойно и ничто не прерывало его мыслей. С одной стороны Ярослав очень соскучился по дому за годы службы и редкие побывки, не терпелось уже скорее попасть на родную землю, с другой – он ехал с поникшей головой, ибо превзойти на службе блистательные подвиги отца ему не удалось. Последнее сильно угнетало, задевая его гордость, честь и сущность, не говоря уже о том, что сулило пересуды на родной земле. Все теперь будут сравнивать отца и сына и говорить, мол «отец-то был лучше», что просто не может не злить дворянина. Так что жизнь в битвах казалась даже проще и понятнее, чем туманное будущее родине.

«Отец сделал так много, а что сделал я? И что теперь делать?» – мысли пронеслись, но не находили ответа.

Обоз остановился и Ярослав, поблагодарив старого извозчика, проследовал на ближайший базар. Несмотря на ранний час, там былолюдно и шумно. Восточные торговцы всеми силами зазывали прохожих покупать и шумно торговались. Это было для них делом чести испокон веков. Ярослав тоже был не промах и всегда выбивал выгодную цену, но в этот раз ему хотелось просто купить и уйти. Престарелого торговца однако ж возмутило принять плату без торга, хотя Ярослав молча протянул за его товары в три раза больше, чем оно того стоило, ожидая, когда тот ему соберет все в тюк:

– Почему не торгуешься? – Не сдерживая раздражения, с характерным акцентом, произнес продавец по имени Азиз.

– Солнце сегодня не с той стороны встало! Не благосклонно для торга! – ответил Ярослав.

– Солнце всегда встает одинаково! Не принято у нас так! Не торгуешься, значит не уважаешь! – огорченно произнес Азиз.

– Будет тебе, почтенный! Возьми деньги и отдай, что требуется. Тут много. На том и разойдемся!

– Нет! – возмущенно сказал Азиз, – За эти деньги потребуй хотя бы... это блюдо! – тут же сменил гнев на милость и услужливость. – Жене отвезешь! Рада будет тебе в нем фрукт носить! Или вот – масло из оливы! Как слеза! Бери!

– На кой оно мне, старец?! Нету у меня жены! Глаголют же! И настроя нету!

– Такой мужик и без бабы? Ай, не поверю! Ну хоть орехов с сухарями? Или вот – свежайший рахат-лукум! Даже у султана вчерашний уже...

– Хорошо! Орехи и сухари, и вот этот бурдюк с водой.

– Вот! Другое дело! – обрадовался Азиз, – Кофе еще тебе положу и турку на память!

– Да не пью я это!

– Бери, тебе говорят! – снова рассердился Азиз.

– Шут с тобой, клади это отдельно! – отмахнулся Ярослав. Азиз собрал два тюка и отдал Ярославу.

– Приходи еще! Я еще кинжалы завтра принесу на прода-

жу!

– Благодарю...

– Аллах с тобой!

Ярослав собрал тюки и побрел к пирсам.

«Утомил, паразит, со своим навязчивым гостеприимством!» – подумал Ярослав. Но не успел отойти и на сотню шагов, как налетели босяки и детвора, требующие подачки. Отдал пару копеек и одну из двух пресных лепешек, чтобы отстали, ибо не давали пройти. Украдкой пронаблюдав, как они бегут к этому же торговцу, очевидно обратно сбывая полученное.

«Эх! И почему я уже даже не удивляюсь сему?! Пес с ними! Прочь отсюда!» – пронеслось в голове, и Ярослав направился к пирсам.

В порту разгружалось несколько судов, и несколько готовилось к отплытию, включая военный парусник «Спесивый». Царили суета и шум.

«Как корабль назовете, таков путь он и пройдет! Надеюсь, не брыкается и не скинет с борта!» – мысленно усмехнулся Ярослав, пробираясь к своему кораблю.

Отвлечшись на кричащего носильщика, он внезапно наткнулся на какую-то нищенку в парандже, которая носила корзины от борта недавно причалившего судна. Та уронила корзину, из которой рассыпались овощи. Она сразу же начала что-то громко кричать противным голосом на своем языке. По тону было ясно – прокликает до пятого колена.

Ярослав поставил тюки и стал собирать все обратно в корзину.

На минуту портовый шум стих и даже сама крикливая женщина притихла от удивления, перестав сыпать проклятиями.

Казалось бы, что тут такого? Оплешность нужно исправить, ты же мужчина, да еще и офицер! Но это было не просто необычно, это было неслыханно. Чтобы русский офицер стал марать руки?! Не в жизнь!

Как ни крути, во время войны отношение к местным далеко не такое, как описывают в сказках и летописях. Оно избирательно, высокомерно или пренебрежительно. Большинству солдат и моряков был чужд и быт, и порядки османского общества, и, уж тем более, традиции народа. От неуважения к культуре росло и неуважение к людям.

Некоторый офицерский состав, порой и младший, искал в местных возможность самоутвердиться и показать «кто в доме хозяин». То есть с типичными замашками «маленьких людей» – унижить, посмеяться, силой заставить или иначе вынудить что-то сделать, да просто сделать гадость. Иначе говоря, другой офицер как минимум бы плюнул, обматерил и пошел бы дальше, а мог и избить. Но Ярослав не равнялся на «всех», делая то, что по совести ему велено. А совесть местами еще очень даже болела, и раны на ней не спешили зарубцеваться.

Когда Ярослав закончил, то вручил женщине корзину

и извинился. Порт словно застыл на секунду. За Ярославом наблюдали все – моряки, солдаты и весь портовый сброд.

Ярослав огляделся, взял свои мешки и собирался пойти дальше, как вдруг женщина схватила его за рукав и сказала на ломанном русском:

– Ты не должен... Не плыви на корабль!

– Что?

– Не надо тебе плыть... на этот корабль! Беду... будет!

– Что ты несешь? Какую беду? – недовольно произнес Ярослав. Та промолчала, возможно, не понимая. – Слушай! Иди своей дорогой! Не до тебя уже! – строго сказал Ярослав, махнул рукой, и быстрым шагом отправился к трапу.

Он уже прошел по трапу и поднялся на палубу, как внезапно услышал сзади, все тот же неприятный резкий голос:

– Нет! Не плыви! – крикнула женщина. Ярослав обернулся и опешил, увидев её в опасной близости к себе.

Сумев проскользнуть мимо охранявшего трап матроса и быстро пробежав по трапу, она схватила один из мешков Ярослава и швырнула за борт. Только тогда ее схватил матрос и потащил прочь с корабля.

– Сдурела, стервоза?!?! – крикнул Ярослав.

А она заладила все одно и тоже – «не плыви!» и ничего больше.

– Извините, покорнейше, господин капитан! Сейчас я ее выведу!

– Извините?! Чаек считать меньше надо! Гони ее в шею!

Дуру чокнутую!!! – крикнул на матроса Ярослав.

«Черт!!! Вот гадина!!! Все припасы и рубаха на корм рыбе!» – злился Ярослав, наблюдая, как мешок спешно погрузился на дно.

– Ха-ха! – раздался позади вредный смех.

Это был боцман, он шел следом. Коренастый мужик с вредным и насмешливым выражением лица. Когда он улыбался или смеялся, его лицо напоминало свиное рыло, просящее кирпича. Сальные волосы, узкие глаза, недостаток зубов во рту, кривой нос. В зубах он зажал папиросу. Будь он в штатском получил бы в нос в первые же секунды, только за свой вид, но его спасала форма моряка.

– Что тут смешного? – резко спросил Ярослав.

– А чего – нет?! Смешно ведь! Эти нищенки! На все идут лишь бы ограбить прям среди бела дня! И на погоны не смотрят! Повезло, вижу, познакомиться?! Ха-ха!

– Ограбить? Она же выбросила мешок за борт!

– Ку-ку, мужик! Добро пожаловать на турецкий берег, ваше высокоблагородие-капитан-очевидность! Она и ее сраные подельники потом выловят мешочек! Так что не волнуйся! Все будет в целости и сохранности... Только вот у нее! Ха-ха! Поделом! Внимательнее быть надо! А не помогать крысам!

– Вздор! Что же теперь людьми не быть?! И вообще, что за обращение к старшему по званию?

– Ах, извините-извините! Можете присылать секундентов

по адресу – море! – кривлялось боцманское свиное рыло, – На этом судне – ты пассажир, а не старший по званию! Если что-то не нравится в моем обращении, можешь пожаловаться капитану, конечно... Но вот вопрос! К чему это приведет? Уж точно не к списанию меня на берег! Скорее к тому, что поплывешь со своими погонами через неделю на другом корабле!

– Как звать?

– Неважно!

– Ну, тогда слушай, залуца свинья! За дерзость можно заплатить не просто «списанием на берег»! Я ведь кабанов и покруче отправлял червей кормить! – спокойно, но жестко произнес Ярослав, глядя в глаза противнику.

Оба уже готовы были схлестнуться.

– А ну, отставить! – раздался резкий голос старпома, – Еще одно замечание, и одного в карцер, другого отправлю на берег! Дважды повторять не буду!

– Есть! – отозвался боцман, – Еще поговорим, за залуцу! – процедил сквозь зубы боцман, и мерзко улыбнувшись и толкнув в плечо Ярослава, пошел к лестнице на нижнюю палубу.

– Не сомневайся! – парировал Ярослав, – Только разговор будет короткий!

«Такая дрянь даже в море ведь не тонет!» – подумал он тогда.

Делать было нечего. Предстояло путешествие без пайка,

сменной одежды и прочих личных вещей.

Глава 3 Чертоги тайн

Спустя несколько минут корабль, наконец, тронулся и вскоре вышел в открытое море. Солнце в зените обжигало и, казалось, плавило даже воздух. Бриз, бивший в кливер, тянул корабль за собой и давал надежду на то, что путь минуетя легко.

Ярослав расположился в маленькой каюте, открыв иллюминатор, чтобы не задохнуться от жары. Утонувший тюк не шёл из головы. Он понимал, что, по-хорошему, надо было нырять за вещами или собирать новый баул, и ждать еще неделю, когда прибудет другой корабль. Но так хотелось скорее покинуть эти места и больше никогда не возвращаться. Да и денег на недельный постой и новые сборы не хватило бы. Припомнив ситуации похуже, он счел всё же, что и из этой выйдет с достоинством и победой. Кроме того, некоторые попутчики – солдаты и офицеры, видевшие ситуацию, – предложили помощь. Уцелевшие сухари Ярослав оставил себе, а турку и кофе сменял на хорошую рубаху и флягу с водой, что облегчало положение.

На второй день пути ветер внезапно стих и наступил полный штиль. Море было как зеркало – ни единого всплеска. Лютая жара, вонь и качка – без того отвратительны, добавлялось к ним теперь бесконечное ожидание, бездействие... Мерзость этих ощущение владела всеми, и командой, и пас-

сажирами, пронизывая раскалённый воздух на палубе, прелый дух кают и затхлое пространство трюмов. Качка клонила ко сну, но жара, от которой хотелось содрать с себя кожу, не давала заснуть. Пытка, не иначе!

Ярослав вышел на палубу спасаться в тени мачт и парусов. Он стоял, молча опираясь о борт и смотрел вдаль. Подумать было о чем. Это и происходившее в стране, и воспоминания о доме, а также события, ставшие причиной изменений.

Ярослав не смог стать большим военачальником и был скорее солдатом, хоть и дослужился до капитана батальона. Его это тяготило до последних дней службы. Ведь отец в чинах был намного выше. Мысль увидеть разочарование в глазах родителя была невыносимой.

Солдаты, с которыми воевал Ярослав, были ему как братья. Планируя наступления, разведку или оборону он подчас им не говорил лишнего – они буквально по взгляду, жесту или короткой шутке понимали, что нужно делать. Оттого взвод был чуть ли не элитным подразделением полка, и за весь срок службы потерял только трех бойцов. Побывать в самом пекле приходилось не раз, но всегда сила и бодрость духа, русская смекалка, выдержка и, конечно же, опыт одерживали верх. Полк Ярослава позже называли частично в его честь – Яростным. При одном упоминании о нем враги уже знали, что их будет ждать поражение, и, даже если полк заманить в засаду, разбить его – задача невыполнимая. Бойцы сражались даже не до последнего патрона, а пока кругом

не оставалось ничего, чем можно было бить врага, будь то нож, палка, камень – казалось, они могли стрелять даже песком и землёй.

И если бои для Ярослава стали уже частью его самого, то общение с начальством ладилось отнюдь не всегда. Опыта у Ярослава было на три головы больше, чем у многих полководцев, но доносить его до понимания генералов не хватало услужливости, изворотливости и хладнокровия. Иногда хотелось разбить лицо паразиту-генералу, что действует как топор там, где нужен хирургический скальпель. Подбрасывали сюрпризы и сослуживцы – поступками, которые были непонятны Ярославу. Особенно, если как-то были замешаны женщины. По некоторым случаям провинившиеся попадали под наказание или даже с позором отправлялись на каторгу. Бесспорно, смекалка и безбашенность порой помогали в добыче ценных разведданных, но Ярослава, как командира, любые выходки раздражали, особенно когда бойцов приходилось прикрывать от гнева начальства, если что-то неуставное всплывало.

Уходил со службы Ярослав в смешанных чувствах. Последней каплей стала выходка сослуживца – ставшая спусковым крючком для увольнения из армии (благо срок уже подходил). И этот случай был третьей и последней потерей в его подразделении при его командовании.

Тогда родилась горькая поговорка: «На войне любви нет места... но нет места более верного для проявления любви,

чем война!». Только там проявляется любовь и милосердие в самой искренней и человеческой форме, если ее проявляет человек, а не живущий в каждом бою зверь. Но увы, чаще всего такая любовь недолгая.

Сержант Александр Викторов был отличным бойцом и разведчиком, но при этом весьма сентиментальным, за что и получил негласное прозвище «Романтик». При контратаке русской армии, когда османские войска уже теснили к Сирии, молодая турчанка в одной из деревень попыталась вывезти из-под обстрелов детей – своих братьев и сестер и просто соседских.

Дети – частенько разменная монета как для атакующих, так и для отступающих войск. Ведь стрелять по детям это и низость, и военное преступление. Солдаты Паши этим и пользовались. Девушка, желая спасти младших, отдала их обозу с отступающими бойцами османов – они проходили через деревню на заре, при первых звуках обстрела русскими солдатами с подступов господствовавшей высоты. Хотя те же янычары, разрозненными бандами ещё накануне обирали эту деревню, теперь они покидали рубежи, пытаясь выдать себя за гражданских, чтобы сменить дислокацию и перегруппироваться. Такие методы были во всех войнах и во все времена. Стоять насмерть было принято только в русской армии.

Девушке едва исполнилось пятнадцать лет, но смелости было как у взрослого солдата. Чтобы дать время уйти

обозам, она отвлекла огонь на себя, беспорядочно стреляя из всего, что под руку попадалось, оставшись от павших и отступивших солдат. Ловко перебегая меж стен и камней, она стреляла, создавая впечатление, что воюет взвод, как минимум. Стрелять она не умела, а может и не пыталась целиться даже, поэтому пули летели во все стороны. Она, конечно, ни в кого не попала, но нервы солдатам потрепала знатно. В конечном счете, ее прижали, слегка ранив, – обезвредили и взяли в плен.

Взяли ее как раз Ярослав с Александром с еще одним молодым бойцом. Увидев, что вместо взвода солдат, по ним палила одна худенькая девчушка, Викторов проникся к ней уважением и даже симпатией. Он сам оказал ей первую помощь, перевязал раны, дал воды и свою пайку хлеба:

– Не надо бояться! Успокойся! Все будет хорошо! – сказал он тогда.

Ярослав был жестче и после осмотра деревни, заметив, что девушка в четком сознании, повел ее на допрос, подозревая, что она вполне может быть шпионкой османов. Такие порой и вправду попадались.

Допрос вел командир полка. Предпочитая допросы с пристрастием, он не гнушался любых методов, лишь бы выбить правду (ну или то, что ему хотелось услышать). Негласно его прозвали «Инквизитор». Ярослав был жесток, но никогда не применял насилия, особенно к пленным женщинам, считая их однозначно слабее и не заслуживающим подобного.

Командира же приходилось буквально останавливать, чтобы он ее не растерзал.

Спустя несколько часов выяснились все мотивы действий девушки. Ярослав окончательно остыл и все понял правильно. Командир тут же приказал немедленно снарядить погоню и захватить беглецов, среди которых могли быть как эмиссары Паши, командиры или иные важные единицы, так и диверсанты, которые на два дня отодвинули наступление русской армии.

Девушка плохо знала русский, но кое-что все-таки понимала. И когда услышала приказ, что, если едущими в повозках будет оказано сопротивление, разрешено открывать огонь на поражение, поняла, что дети попросту попадут под перекрёстный огонь. В ту же секунду она бросилась на командира, пытаясь заколоть его невесть откуда взявшимся в ее руках железным прутом.

Схватка закончилась быстро – сержант Викторов оттащил её и увёл. Командир отделался царапинами, порванным кителем и бешенством. Викторов привёл ее в подвал разрушенного дома – импровизированный карцер, – но приковывать не стал. Она забилась в угол и всячески пыталась спрятать лицо (на допросе ей этого не позволяли). Александр присел рядом и на ломаном турецком, что успел выучить, завязал разговор:

– Adınız ne? (Как тебя зовут?)

– Beni yalnız bırak! Sizi ilgilendirmez! Yanlış! (Отстань!

Не твое дело! Неверный!)

– Pekala, seninle bir şekilde iletişime geçmeliyim. Sakin ol lütfen. Benim adım Alexander. (Ну должен же я к тебе как-то обращаться. Успокойся, пожалуйста. Меня Александром зовут.)

– Aichel... (Айшель)

– Aichel! Artık aptalca şeyler yapma! Vurulmak istemiyorum. (Айшель! Не делай больше глупостей! Я не хочу, чтобы тебя расстреляли.)

– Umurumda değil! Onlar için öleceğim... Başka kimsem yok! Buraya geldin! Sizler haydutlar ve katillersiniz! (Мне все равно! Я умру за них... У меня больше никого нет! Это вы сюда пришли! Вы бандиты и убийцы!)

– Bizim hakkımızda böyle düşünmemelisin ... (Зря ты так о нас думаешь...)

– Ve nerede yanılıyorum? Evine silahla girmedim! Ailemi ve toprağımı savundum! (В чем я не права? Я в ваш дом не входила с оружием! Я защищала свою семью... и свою землю!)

– Это война! И нас сюда позвали помочь... Ve yurttaşlarınız topraklarımıza saldırdı. Ne yapmamızı istedin? Onların izini takip ediyoruz. Kimse şahsen seni ve kardeşlerini istemiyor... Her halükarda, ben... Ama hayatın karşılığında ödeyeceğin bir şey yapmak zorunda değilsin ... (И напали на наши земли твои земляки. Что же нам было, по-твоему, делать?! По их следу мы и идем. Тебе лично и твоим братьям никто зла не желает... Во всяком случае я... Но не надо де-

лать то, за что заплатишься жизнью...)

– Bununla ne umursuyorsun? (Какое тебе дело до этого?)

– Görünüşe göre, seninle konuştuğum için bir dava var. İçmek! (Ну, выходит, есть дело, раз говорю с тобой. Попей!), – сказал Александр и дал ей флягу с водой, – İyi gidiyorsun! Seni koruyacağım. Sonuçta, kararınıza saygı duyuyorum ve ölmenizi istemiyorum ... (Ты молодец! Я буду тебя защищать. Я уважаю твое решение и не хотел бы, чтобы ты умерла...) – сказал он и добавил, отведя взгляд, – Не то мне придется тоже...

Девушка открыла лицо, а по ее щекам текли слезы. Ее трясло от боли, страха и холода. Александр протянул ей платок и чуть обнял, присев ближе. Она сперва дернулась, но в подвале ей было так сыро и холодно в рваной легкой одежде, что все же придвинулась ближе. Так и сидели.

В это время в здании напротив шли непростые споры как о продолжении наступления, так и о том, что делать с пленницей. Ярослав не видел в ней угрозы, а командир с высоты своего полета не мог спустить попытку покушения и нанесенное оскорбление. Закончив обсуждать стратегию, командир отдал приказ расстрелять девицу, как бы между прочим, этим поставив точку.

Приказ командующего о погоне оправдан – ведь время военных действий. Но с точки зрения житейской оправданы и отчаяние девушки, и ее попытка остановить командира. Только вот не все имеют холодный рассудок, тем более на по-

ле брани.

Ярослав, оставшись один на один с полководцем, вступился за турчанку:

– Ваше высокоблагородие! Разрешите обратиться?

Командир жестом позволил говорить.

– Содеянное несоизмеримо наказанию. Девчонка – явно не боец. Разумнее наказать – шугануть ее кнутом, или шпиц-рутенем, на худой конец арестовать на какое-то время, да отпустить, когда наступление пройдет дальше. Но убивать-то зачем?!

Но комполка аргументы не интересовали:

– Странно слышать от вас такое, капитан! И вдвойне при-
скорбно, что нужно объясняться! Из жажды мести, она вполне может примкнуть к врагу. Она бралась за оружие, научиться правильно им владеть – дело не хитрое. Я отдал приказ расстрелять ее! Обсуждения закончены, извольте исполнять.

– Но помилуйте! Ее ведь тоже можно понять!

– Смеее перечеить? Или у вас проблемы с исполнением приказов?!

– Никак нет... – процедил сквозь зубы Ярослав.

– Исполняйте!

Ярослав козырнул и вышел. Приказ должен быть исполнен. Ярославу, пришлось пойти в карцер и распорядиться. Тот диалог надолго остался в его памяти:

– ...Сержант Викторов.

– Капитан! – встав по стойке ответил Виктор.

– Принимайте командование для приведения распоряжения о казни в исполнение...

– Никак нет...

– Что?

– Никак нет! Ярослав Владимирович... Не приму! – ответил Виктор все также стоя по стойке смирно и смотря перед собой.

Ярослав схватил, отвел Александра в сторону и сказал:

– Романтик, ты сдурел? Субординацию нарушаешь?! Это приказ командира полка!

– Ну раз мы на «ты» ... Слава... Именно выполняя такие вот приказы... – он отвел взгляд в сторону девушки и, посмотрев в глаза Ярославу, добавил: – Я был рядом и все видел... Скажи, чем мы отличаемся от османов?

– Тем, что воюем за свою землю и родных, за родину, за правое дело, Саша! Не мне тебе объяснять, мы почти с первых дней битв вместе и оба знаем это!

– Но мы сейчас уже на их земле! И конкретно она не шла на нас войной, а просто защищала своих, как защищали мы своих!

– Мы солдаты, Саша!..

– ...а еще мы люди, Слава! Русские люди! А не варвары и звери! У нас есть принципы, честь и совесть. Вот против варваров и бесславных ублюдков я костями лягу! Но не против женщин и детей, чьих бы кровей они ни были!

– Ты ведь понимаешь, что за мятеж тебя ждет?! Участь дезертира! Ты этого хочешь?

– Будь по сему! Раз так, тогда... стреляй! Или достань саблю и руби прямо сейчас! Я даже защищаться не буду! – твердо сказал Виктор, – Я собираюсь уйти и забрать ее с собой!

– Саша, ты мне как брат, неужели ты переметнешься к врагам?

– Нет! К врагам – никогда! Я обещал ей... что все будет хорошо! Если это будет значить, что нас обоих расстреляют... Я уже сказал – будь по сему! Я не буду участвовать в терроре и убийстве на потеху высокому начальнику, который, как сопляк, не может от бабы защититься! Им бы все только в дуэли играть, да людей давить, как тараканов!

– И ты пожертвуешь?.. Дружбой, солдатской верностью, Родиной, всем?.. Ради кого? Ради девки?

– Ради любви и сострадания!

– Да какая любовь, Саша??? Очнись!!! Война идет!!! Какая, на хрен, любовь? – сорвался на крик Ярослав схватив друга за плечи.

– Самая настоящая! – спокойно ответил Виктор, – На войне любви нет места... но нет места более верного для проявления любви, чем война! Ты не понимаешь этого сейчас, но еще поймешь, надеюсь! И что такое любовь, и какова она на вкус, и где ее можно найти, и на что ради нее можно пойти... Зверем ты никогда не был.

– Это хуже, чем выстрел в спину, от столь близкого чело-

века! – сказал Ярослав и отшатнулся от друга.

– Ты же знаешь меня лучше всех! Я никогда не стрелял в спину! Ни русскому человеку, ни другу и брату по оружию, ни даже врагу... Надеюсь, и ты не выстрелишь! А мы с ней просто уйдем!

На этом он отдал честь и, оставив оружие, двинулся к карцеру. Открыв дверцу, солдат вывел девушку. Она робко шла, немного прихрамывая и трясясь в предчувствии дурного. Александр укрыл ее своим бушлатом и, обернувшись на миг к Ярославу, двинул к выходу. Ярослав молча пошел за ним. Выйдя Викторюв увидел комполка, свой взвод, других солдат, что готовили оружие. Ничуть не растерявшись, он прошел сквозь солдат, которые сперва ничего не поняли, и пошел прочь. И было все равно ему, что ему кричали, отдавали приказы. Он просто приобнял девушку за плечи и оба не спеша шли по дороге прочь.

– Взвод на прицел! Сержант Викторюв, приказываю вернуться и выполнять приказ!!! – кричал Ярослав вслед Александру.

«Что ж ты делаешь, дурак?! Как же я могу стрелять в тебя?» – только и думал он.

Ярослав так и не отдал приказа стрелять в них...

– Дисциплинка у вас, смотрю! Я обязательно об этом доложу! Солдаты – огонь! – отдал приказ командир полка, ставший свидетелем этого жеста неповиновения простого солдата.

Они так и упали замертво, обнявшись. Ярослав подошел следом и некоторое время стоял над телами пары, застывшей навеки в его памяти.

После этого Ярослав подал рапорт об увольнении, но его не подписали. Война с османами переходила в финальную стадию, и Ярослава обещали отпустить, когда османов прижмут и вынудят пойти на мирные переговоры, или пока они не будут окончательно разбиты. Скрипя зубами и с удвоенной яростью приходилось воевать. И хоть была направлена на врагов, однако ярость эта была скорее от бессильной злобы и горечи, что приходилось подчиняться обнаглевшим тиранам и самодурам.

Через несколько месяцев турецкие вожди окончательно осознали, что если они не заключат мир с русскими, то их сравняют с землей. Тогда Ярослава и отпустили со службы, присвоив медаль за заслуги перед Отечеством, но звание, несмотря на заслуги, оставили прежним. Полк расформировали по разным батальонам. Впрочем, когда собратья по оружию узнали правду о том случае, то при первой же возможности решили уйти. Людей это разобщило, и они уже не могли даже друг другу смотреть в глаза.

Тот случай запомнился Ярославу еще и тем, что это был первый раз, когда он задумался о том, а что же такое вообще любовь? Почему даже друзья и братья по оружию готовы ради нее поступиться принципами? Это было трудно понять его расчётливому разуму.

Воспоминания. Несколькими годами ранее

Осенью Ярослав прибыл на увольнительную в родной дом. Ему было тогда двадцать три года. На поездку и побывку было совсем мало времени. Всего три дня и в обратный путь. Предстояли учения, а затем участие в походе на очередной разгоравшийся виток военных действий. Еще молодой солдат, но уже получивший звание лейтенанта, он и тогда думал только о том, как предстанет перед родителем.

Карета подъехала к имению и после нескольких дней в пути было приятно, наконец, выйти у родного порога и развеяться.

– Господин Орлов, приветствую вас! – произнес прислужник по имени Тимофей и поклонился, приветствуя Ярослава.

– А где же отец?

– Ваш батюшка выехал в поездку. Срочные дела. Велел вам приготовить обед и баню.

– Вечно в делах... – вздохнул Ярослав, – Ты передал моё письмо о приезде?

– Не сердчайте. Владимир Алексеевич получил письмо от вас. Ждал вашего приезда, но в деревне на окраине случилось несчастье.

– Что за несчастье?

– Не могу знать! Но ваш почтенный батюшка тотчас велел

приготовить лошадь и собрать в дорогу дружину. Не смел его расспрашивать, лишь спросил, что можно сделать пока его не будет.

– Я к тому, что быть может помощь нужна. Не гоже сидеть сложа руки, куда беда на родной земле. Или холопам это не понятно?

– Не извольте волноваться. Сегодня пришла весть, что все уладилось, а хозяин прибудет к вечеру.

Ярослав призадумался, затем произнес:

– Ну что же, подождем вечера. Распорядись накрывать! Баня готова, говоришь?

– Сию минуту все сделаю! – снова поклонился Тимофей. Он тут же распорядился о разгрузке кареты, а затем поспешил в дом.

– Ты один тут трудишься?

– Никак нет, господин. Конюх Петрушка еще, дворник Гришка.

– Понятно. Выходит, опять всех сослал... Бабы тут не задерживаются.

Всякий раз, когда он приезжал домой отца не было. Однако он надеялся, что хотя бы очередное повышение будет поводом отложить дела и встретить сына у порога родного дома.

Закончив обед в одиночестве и попарившись в бане, Ярослав переделался в свежую одежду, и на душе посветлело. Он прошелся по дому. Нельзя сказать, что дом очень изме-

нился. Отец по-прежнему был скромнен в своих предпочтениях и потребностях – дощатые стены, подсвечники, грубая мебель, простое деревенское убранство, для оружия – отдельный большой шкаф, лишь боевая сабля висела сбоку от камина. Но после смерти матери заметно поубавилось того, чем отличалась семейная обитель от мужской – исчезли картины, полы не были натерты до блеска, местами царил мелкий беспорядок, стеклянная посуда была убрана в сервант, откуда явно доставалась очень редко. Впрочем, появился отдельный кабинет, где отец работал и принимал людей. Вот там был строгий порядок и армейская чистота и красота. Ярослав заметил и отдельный секретер, где были очень странные вещи, похожие на амулеты.

«Что это? Неужто отец занялся чертовщиной? Вроде не водилось за ним такого. Надо бы спросить!» – подумал Ярослав, рассматрив диковины, но не прикасаясь к ним.

Время текло медленно, словно смола, – для военного человека с дороги в доме не было занятия. Ярослав вышел в сад, несмотря на усталость с дороги. За забором с одной стороны было поселение крестьян, с другой – поле, с третьей – лес. За полем была речка, куда он в детстве не раз бегал удить рыбу и купаться вместе с окрестной детворой.

Солнце стояло в зените, и крестьяне были на работах в полях, либо в мастерских. Ярослав прошел мимо поселка и остановился у церкви, где его заприметил дьякон. Поприветствовав, дьякон пригласил Ярослава на вечернюю служ-

бу и посетовал, что батюшка его стал реже приходить на исповедь. Ярослава это вновь удивило. Он вспомнил об амулетах, но, разумеется, умолчал. Имея планы на вечер по встрече с родителем, Ярослав отказался, но пообещал прийти на утреннюю службу. Немного поговорив о делах насущных, они распрощались. Ярослав пошел мимо поля к реке, а дьякон, перекрестив его, направился в келью.

Крутой откос у реки, как и прежде, соседствовал с каменной насыпью, давая осторожным доступ к воде. У самой воды какая-то девчушка в платке и замызганном платье пыталась поднять ведра коромыслом.

«Вот дуреха! Ведра-то сперва надо поднять на берег из оврага! Как ты будешь насыпь преодолевать?» – подумал Ярослав, глядя на попытки девушки наладить равновесие на камнях, и понимая всю безнадежность этой затеи.

Хоть у нее и получилось подняться с двумя ведрами наперевес, но стоило ей попробовать сделать шаг, как она тут же шумно шлепнулась, опрокинув ведра, одно из которых укатилось в реку.

Девочка была худенькая, а платье ей явно было велико, что играло в минус тому, чтобы справиться с такой работой. По виду угадывалась одежда послушницы, и Ярослав предположил, что она трудится при храме у дьякона. Было странно, что ее отправили за водой совсем одну.

Тем временем девчушка, утирая слезы, поднялась и полезла в воду за утонувшим ведром. Сил ей не хватало, и, по-

скользнувшись, она шлепнулась в реку, насквозь промокнув.

«Одно слово – безнадега! Придется помочь!» – подумал Ярослав, подходя ближе. Сперва он думал уйти, но потом что-то внутри его все же заставило спуститься к воде. Отец всегда говорил, что отличительной частью русского человека является сочувствие и сострадание, а еще помощь нуждающимся.

Вблизи он заметил милое детское личико и карие глаза полные слез, а еще заметил синяки и ссадины на руках. Возможно, она уже не в первый раз падает и ушибается.

– Поди водица холодная для купания! Осень на дворе! Давай руку! – сказал Ярослав, и, ухватив за руку, разом вытянул девочку из воды.

Протерев глаза, она взглянула на Ярослава, смутилась и поспешила отвести взгляд и опустить голову. У воды было прохладно, подул ветер, от которого она моментально замерзла, но не смела двигаться, лишь стояла перед незнакомцем и стучала зубами.

– Эх ты! Тебя что, не учили?! Чтобы набрать воды, надо сперва одно ведро наполнить и поднять на берег, потом второе, и только потом коромысло пристраивать. Давай помогу.

– Простите, господин. Я сама...

– Сама-сама! Сама ты уже, смотрю, синяков набила и вымокла до нитки. Лучше старших слушай! Ступай на берег! И вот... укройся! – проворчал Ярослав и укрыл дрожащую девочку своим кафтаном.

Та взяла коромысло и побрела наверх. Ярослав лишь покачал головой и принялся вытягивать ведро, а затем набирать воды. Пару раз он сам чуть не упал на скользких камнях и промочил ботинки, выругавшись.

Подняв ведра, он встал перед девчонкой, которая не посмела головы поднять, и лишь промолвила:

– Спасибо...

– На здоровье! Тебя как звать-то?

– Вера... – едва слышно произнесла девочка, не поднимая глаз, затем сняла и протянула пиджак.

– Я – Ярослав! Будем знакомы! – сказал Ярослав, беря кафтан и ища в нем портсигар и спички. Они были в кармане, где также был его снимок в мундире после награждения. Когда он вынул портсигар, снимок выпал и Ярослав, подняв его, засунул обратно в карман, затем добавил, – Осторожнее надо быть, Вера! В другой раз никого поблизости не будет! Утонешь еще! Ты откуда?

Услышав его имя, девочка подняла взгляд, полный изумления, и тут же поспешила его опустить. Сердце у неё застучало, дрожь в ногах едва не подкосила, а на лице выступил еле заметный румянец. Конечно же она знала, что так звали единственного сына владыки сих земель, ибо никого с таким именем в этой округе больше не было.

Она стояла и не могла вымолвить ни слова, лишь указала в сторону церкви.

– А, понятно. Пойдем, помогу тебе дотащить, раз уж вя-

зался. Заодно поговорю с дьяконом. Какого лешего отпускает девиц без сопровождения наставниц?! – сказал Ярослав прикуривая сигарету.

– Не надо, добрый барин, умоляю! Меня накажут... – пропищала Вера и снова начала всхлипывать.

– Вот те новость! За что?

– Каждой послушнице самой догма справляться...

– Ну, если ты не знаешь, как пользоваться коромыслом, тебя же должны сперва научить. Разве нет?

– Как верно поступать – Бог укажет, если вера крепка.

«Ох уж эти набожные речи и логика. Никакой рациональности! Мать такая же была!» – подумал Ярослав.

– Ну, так я же не Бог, а науку и помощь сию по доброте даровал...

– Покорнейше благодарю! – сказала Вера и поклонилась в ноги, как учили, – Значит, вас мне Бог послал...

«Наивная, сил нет! Но спорить похоже бесполезно! Да и настроения нет теологию разводить!» – решил Ярослав.

– Уверена, что обойдешься без помощи?

– Уверена, господин! – ответила Вера и еще раз поклонилась.

– Ну, как знаешь. Значит, укрепляй свою веру и не плачь при трудностях! Жизнь, она вообще штука не простая, а слезами только потоп можно сотворить. Хорошо?

– Да, господин! – сказала она и смущенно улыбнулась.

Ярослав помог ей взять ведра, и она побрела в сторону

церкви. Ярослав же пошел по берегу к своему когда-то любимому месту. Вера отошла немного и остановившись поставила ведра на землю.

Сердце молодой девчушки стучало так сильно, что ей казалось, оно вот-вот выпрыгнет из груди. Множество чувств, пережитых за столь короткое время, словно кружили голову. Ей и присниться не могло, чтоб сын хозяина земли ей помог воду набрать, и вообще обошелся бы так приветливо.

С ней никто и никогда так не обходился. Будучи сиротой при церкви жить было не сладко. Изначально она была очень непоседливой девчонкой, и хоть и пыталась всем и каждому помочь, но по неумению выходило больше бед, чем чего-то хорошего. Оттого терпела наказания, порицания и трёпки.

Настоятельницей над послушницами была монахиня, старуха очень жестокая. Она не любила ничему учить и что-либо объяснять, но за любые неправильные действия наказывала. Она ставила на колени на горох или гречку, оставляла без еды на несколько дней, да и розги были ей по нраву. Девчата в приходе ходили по струнке, но никому было невдомёк каким способом это достигается. Вера же была у нее «в любимицах», особенно по количеству наказаний. Она всячески пыталась показать матушке, что она все делает и старается помогать, но та только пуще ее бранила.

Вере так хотелось, чтобы хоть кто-то ей помог, научил или просто однажды сказал «спасибо». Хотелось, чтобы ее похвалили, но попытки заслужить похвалу расценивались

как тщеславие. Наказание же, по разумению настоятельницы, должно было приучать к смирению.

И вдруг такое чудо! Словно лучик света в бесконечной тьме...

Невольно ноги сами повели девчонку вслед за Ярославом. Прячась за кустами и деревьями, она брела следом стараясь не шуметь и держаться поодаль. Сердце все также стучало и сбивало дыхание. Это было какое-то странное ощущение страха и желания просто посмотреть на этого господина еще. Она не хотела подходить ближе и, если бы Ярослав ее заметил, и снова с ней заговорил, она бы опять онемела и стояла бы, уткнувшись взглядом в землю. И тем не менее, шаг за шагом, она к нему приближалась.

Ярослав тем временем дошел до своего места и с ужасом обнаружил, что дерева, с которого он рыбачил – нет. Оно склонялось над рекой, и судя по срубам на пеньке упало в реку. Он повесил кафтан на ветку дерева у дороги и полез за пеньек. Между его корней он нашёл свой тайник – кулёк с запасом из 30 копеек на черный день. Казалось бы, зачем сыну помещика запасы денег, когда отец может купить ему все, что потребуется? Но только Владимир не жаловал Ярослава подарками, а заставлял их зарабатывать. А за провинности мог их все забрать. Оттого тайники Ярослава были в разных местах.

«Вот, что значит уметь прятать! Даже дровосеки дерево срубили да не нашли!» – довольно улыбнулся Ярослав.

Вдруг позади он услышал хруст, поднялся и оглянулся. Но только вылезая из оврага, он заметил, как вдаль убегает все та же девчушка по имени Вера.

Ярослав лишь покачал головой, взял кафтан и по пути в сторону дома подумал:

«Не девка, а недоразумение! Трудно ей будет!»

Вера бежала прочь со всех ног. Голова кружилась, мысли путались, дыхание сбивалось. В руках у груди она держала карточку с фотографией Ярослава, которую она умудрилась тихонько вытащить из его кармана.

Тем временем на корабле

Воспоминание оборвал подошедший сержант Сурков. Невысокого роста, полноватый, улыбчивый, слегка суетливый, но располагающий к себе мужчина. Он тяжело дышал и обмахивался платком, постоянно утирая пот со лба, что лился градом. На гражданской палубе находиться было просто невозможно из-за влажности, духоты и нестерпимой вони. Все, кто был не на посту вышли на верхнюю палубу, пытаясь найти себе хоть какое-то спасение и чем-нибудь себя занять. Конфликты раздувались на пустом месте.

Надо сказать, что несмотря на то, что российские парусники были куда чище и опрятнее западных судов (отличались наличием гальюна⁵ и профоса⁶, с чем были проблемы,

⁵ Гальюн – отхожее место, или туалет. Именно с флота пошло понятие «оч-

например, у испанского флота), но главные флотские проблемы с поведением и гигиеной в те времена были и у русского флота.

Из-за штиля и угрозы истощения съестных припасов, капитан грозился отправить солдат на весла. Гибриды парусников и галер были еще в строю в те времена. Разумеется – никому этого не хотелось, ибо если существует ад, он непременно похож на галеру. Уж лучше сдохнуть под солнцепёком в пустыне, чем откинуться на нижней палубе за веслами. Ярославу это, конечно, не грозило, поскольку не офицерское дело веслами махать. Но ребят было, как минимум, жаль. От такой работы люди, обессилев, заболели или преставлялись.

Хотелось есть, но баланду, что варил корабельный кок, можно было переваривать не чаще раза в день, учитывая, что запивать приходилось тухлой водой. С такими харчами

ко» так как это было круглое отверстие в настиле на самом носу корабля, сбоку от бушприта, около носовой фигуры.

⁶ Должность «профоса» имела и довольно долго сохранялась в Российской империи. В Морском Уставе Русского Флота 1720 года, являвшимся основополагающим документом, регламентирующем все стороны флотской жизни на протяжении всего XVIII века, мы можем прочесть, что на корабле любого ранга имелся один профос, основной обязанностью которого было следить за тем, чтобы нигде не было мусора, нечистот, чтобы все люди оправлялись только в специально отведенных местах (гальюнах), а при обнаружении испражнений немедленно их убирать. Особо он должен был обращать внимание на то, чтобы веревки и канаты не подвергались бы воздействию нечистот. Второй обязанностью профоса было исполнение обязанностей палача (это значение пришло из голландского «profoost» – «палач») (Книга 3, глава 21, артикулы 1—3).

в бой идти нельзя, а отдыхать тем более. От этого пассажиры были на взводе. Того и гляди начнут друг другу бить морды, лишь бы сорвать злость от безделья.

Сурков, поравнявшись с Ярославом, отдал честь. Ярослав ответил и завязался разговор:

– Здравия желаю, ваше благородие! – сказал Сурков.

– Здорова, сержант! Чем обязан?

– Да, в общем-то, ничем, Ярослав Владимирович! Просто увидел вас в одиночестве и решил выразить вам свое уважение да угостить!

– Вот интересно, сержант! Мы ведь с вами ранее не были знакомы! Откуда же вы меня знаете? – спросил Ярослав.

– О вашей службе идет такая молва, что наслышаны бойцы всего фронта! Часто ли увидишь живую легенду рядом?! – воодушевленно сказал сержант, протягивая пряник.

– Угу... Легенду?! Забавно... Но не более! – вздохнул Ярослав, – А вот за пряник – спасибо! Другим тоже раздаешь, или только «легендам»?

– Всем, кому могу! Берёг их на черный день в пути... Думаю, это именно он!

– Чертовски верно! – усмехнулся Ярослав, взглянув при этом на яркое солнце, – Меняю на сухари в таком случае!

– Честно, я бы уже на сделку с Морским дьяволом был бы согласен, лишь бы не отправили на весла в такую жару! Да денег нет ему заплатить...

– Сделка с Морским дьяволом? Это что еще за байка? –

усмехнулся изумленный Ярослав. Такого он еще не слышал ни от кого, хотя ходил на кораблях не впервые, и общался с моряками.

– Это не байка! – улыбнулся Сурков, – Слышал от моряков, что когда море такое спокойное, значит, Морской дьявол затаился и ждет, пока кто-то взмолится о сделке с ним, а когда это случится, то погода резко меняется, поднимается ветер или даже налетает шторм, это значит, что Морской дьявол вышел на охоту за свежими душами. Тогда успевай удирать. Только опытные моряки способны спастись от Морского дьявола... – по-свойски, но задумчиво произнес Сурков. Он говорил так, будто это само собой разумеющаяся реальность, а Ярослав о ней не знал. Без тени сомнения или иронии.

– Вы, верно, шутите, сударь? Если так, то у вас явный талант! Вам бы на сцену! А если нет, то вам сержант, стоит пойти к лекарю или прилечь в тени! Явно – напекло!

– А вы, смотрю, не романтик, Ярослав Владимирович! – усмехнулся сержант.

– Да какая, к вашему, Морскому дьяволу, романтика?! Когда голод сводит, когда пекло, как в самом глубоком аду – не спастись, не спрятаться, еще и вонь тухлой рыбы от моря! Ни глотка свежести, ни чистой воды! В пору взбеситься, а не о романтике думать!

– Ахах! Ну, если думать только о плохом, как раз и взбесишься! Не угодно ли потешить себя морскими былинами?!

К тому же, на веслах куда более страшный ад в такую погоду!

– Не сомневаюсь! – сочувственно взглянув на Суркова, сказал Ярослав, – Вероятно, вы правы! Если не тешится в таких условиях, то самое время повесится на рее!

Оба усмехнулись, похрустывая угощениями. В тот момент, эти сухари и пряник были почти что подарком свыше. А разговор немного отвлекал от чувства скрученного в узел живота.

– Что ж! Продолжим забавляться! – сказал Ярослав, проглотив последний сухарь. Теперь хотелось пить, но все же стало намного легче, и он решил продолжить интригующую беседу, – И как же, интересно, сию сделку с дьяволом проводят? Свечи, танцы с бубном и жертвоприношения девственниц?

– Хех! Не так все просто! – парировал Сурков, – Как мне говорили, сперва его надо призвать! Для этого нужно смочить в своей крови монету, скажем копейку и бросить за борт, сказав «море лишь для моряков – к сделке с дьяволом готов»...

– Ничего себе! Среди моряков знатные поэты встречаются! – повеселел Ярослав.

Настроение и вправду поднялось. Но ненадолго. На палубе показался хряк-боцман. Он дунул в боцманскую дудку так, что, наверное, за несколько миль слышно было.

«Солдаты и младший сержантский состав! Собраться на палубе!» – раздался командный голос боцмана не менее

громкий, чем его дудка.

– У-у-у! Ну вот и пробил мой час! Счастливо оставаться, Ярослав Владимирович! Не поминайте лихом! – сказал Сурков и пожал руку Ярославу, затем отдал честь.

– Держитесь, друг мой... и спасибо! – ответил Ярослав и похлопал Суркова по плечу.

Тот кивнул и пошел на построение.

Когда состав построился на верхней палубе, боцман продолжил:

– Слушай приказ капитана корабля – «Младшему сержантскому составу распорядиться, получить и обеспечить младший солдатский состав пайками и направить на нижнюю палубу на весла!» Приказ ясен?

– Так точно!!! – крикнули замученные зноем солдаты.

– Вопросы?

– Никак нет!!!

Боцман еще раз дунул в дудку, что означало начать исполнение приказа. Неподготовленных слушателей такой звук вполне мог и напугать, так он был резок. И такие среди офицерского состава явно присутствовали. Про таких Ярослав сразу же думал: «Туристы! Как отец и говорил, приезжают на поле боя посмотреть, и – скорее восвояси, как запахнет жареным! Силы нет даже перед боцманской дудкой устоять, уж куда там перед самим боцманом или реальными проблемами!»

За весь поход боцмана успели оценить все, кто поднялся

на борт. Он насолил всем своим скверным чувством юмора, бестактностью, неопрятностью и вызывающим поведением. И ему все сходило с рук – он был здоров и пузат настолько, что свалить мог любого. Неизвестно, как матросы его терпели, но солдат и офицеров он раздражал до самых портянок. Многие уже собирались организовать его избиение всем вместе, но никто так и не решился, все терпели. Ярослав же решил, что если еще раз пристанет, то точно свое получит.

Тем временем солдаты пошли получать пайки, а Ярослав и еще несколько офицеров остались на корме. От невольной мысли об атмосфере в этот миг на нижней палубе, где помимо духоты и вони, еще сырость и дышать вообще нечем, уже становилось дурно.

На палубу вышел капитан корабля. Коренастый мужчина лет сорока пяти, рыхлой физиономии с хлипкой бородой, выглядел он неважно, казалось, что ему пошел уже седьмой десяток. На фоне старпома, он бы потерялся, если б не форма. Однако командовал он логично, четко и умело. Отдав распоряжения, он отправился на мостик, куда позже и старпом поднялся.

«Эх, как парней-то жаль... Молодняк так губить! Но что делать?!» – думал Ярослав шарясь в кармане, – «Хм, а вдруг поможет...»

Достав несколько монет, он выбрал самую маленькую – пять копеек. Обнажив лезвие сабли, он слегка надрезал палец и промокнул монету.

– Была – не была! Море лишь для моряков – к сделке с дьяволом готов! – произнес он и бросил монету через плечо за борт.

Как и следовало ожидать – ни вспышки молнии, ни грома, ни внезапно налетевшего шторма. Хоть бы легкое дуновение. Черта с два!

– Хм. Может мало денег дал?! – усмехнулся Ярослав, – А может, морской дьявол слишком крепко спит!

Корабль, наконец, двинулся с места на вёсельной тяге. Окружающее пекло превратилось в лёгкий горячий ветерок, давая небольшое облегчение, особенно в тени. Но уже через несколько минут паруса были убраны, дабы не мешать вёслам и пришлось уходить на пассажирскую палубу.

Корабль, покачиваясь, медленно плыл, и в открытые люки все же заходил воздух, давая возможность дышать. Ярослав решил вздремнуть, пока есть такая возможность. Завалившись в гамак, он быстро провалился в сон. Вся суета осталась на верхней и нижней палубах.

Глава 4 Море лишь для моряков

Корабль причалил и муки морского пути были уже позади. Спросонья Ярослав выглянул в иллюминатор, где почему-то был туман. Голова болела как с похмелья, поэтому понадобилось немного времени чтобы прийти в себя, протереть глаза и подняться. Духота и вонь гнали вон из каюты. Ярослав вышел на палубу и взглянул на небо. Солнце скрылось за облаками и было даже немного прохладно, что слегка взбодрило.

«Тьфу ты! Что за климат?! Как настроение у бабы раз в месяц! Одуреешь от перепадов!» – подумалось ему.

Корабль стоял словно у причала, но берега не было видно, все вокруг было так, словно стояли в открытом море. Вокруг ни души, лишь странная тишина. Корабль будто вымер. Вокруг все было блеклым, бесцветным и безрадостным.

«Вот тебе здрастье! А где все? Не могла же вся команда сойти на берег!» – оглядываясь, думал Ярослав, затем крикнул, – Эй, живые есть кто?! Мертвые могут не отвечать!

Ответа ожидаемо не последовало. Ярослав вернулся чтобы одеться, взял саблю и револьвер, а затем вышел на палубу и поспешил к трапу, что был отдан по правому борту.

Вдруг навстречу по трапу поднялся странный человек в черном. Это был красивый, долговязый, под два метра ростом, худощавый молодой мужчина. Впрочем, в его обли-

ке были некоторые странности. Пальцы на руках его были неестественно длинными с темными ногтями. Волосы, черные как смоль, прямыми ухоженными прядями спускались на плечи. Миловидное лицо не источало доброжелательности. Одет он был строго, аккуратно, но при этом было трудно понять уровень его обеспеченности. Вроде и брюки, и камзол, и сюртук говорили о статусе, но распушенные волосы, а также отсутствие часов, украшений и кожаный полуплащ, говорили вовсе не о приверженности к элите.

Незнакомец поднялся и встал, перегородив путь Ярославу. Тот подошел почти вплотную и остановился, посмотрев недоумевающе и недовольно на незнакомца. Незнакомец в свою очередь тем же взглядом окрестил Ярослава.

«Вроде на родину вернулся, но и тут всякой иностранщины по горло! Сослать бы всех паразитов на север, чтобы остудили свой пыл, и знали кому дорогу перегораживать!» – подумалось Ярославу.

Лишь встретившись взглядом, Ярослав заметил, что склеры глаз незнакомца были полностью темные, а зрачки, наоборот, белые.

«Больной что ли?» – пронеслось в его голове.

Наконец, Ярославу надоело затянувшееся молчание, и он сказал:

– Сударь, быть может, отойдете с дороги? Негоже мешать сходу с корабля!

– Это мне решать! – произнес незнакомец низким, чуть ли

не утробным, голосом.

Ярослава это возмутило:

– С какой это стати? Кто таков будете?

– Море лишь для моряков... Не так ли?! Я не вижу перед собой моряка! Чего надобно здесь?! – недовольно произнес незнакомец.

Ярослав, конечно же, сразу припомнил монету и легенду, но счел, что его попросту разыгрывают. Ведь не смотря на ощущение тревоги, все вокруг казалось каким-то нереальным:

– Ах, то... то байка была! Легенду припомнил. Думал, ветер и волны поднимутся – доплывем быстрее... Но, как видите, сами справились, без помощи! Так что не извольте беспокоиться, сударь! – усмехнулся Ярослав, – А теперь разрешите пройти?!

Что во сне, что наяву Ярослав говорил то, что думал. Такая легкость и непосредственность была любя солдатам, но высшее руководство, чиновники и прочий высокомерный бомонд был от этого не в восторге. Не в восторге оказался и незнакомец:

– Байка?! Я что, по-твоему, похож на того, с кем шутят?! – надменно и гневно произнес незнакомец.

Ярослава это уже не просто возмутило, а разозлило:

«Паскуда европейская! Раздавлю как вошь на расческе!»

Он ринулся вперед, схватил незнакомца за грудки, а затем с силой отпихнул в сторону, да так, что тот едва не упал,

ухватившись за канаты.

– Да кто ты такой?! Мать твою!!! Придурошный!!! Пошел ты раком с дороги уже!!! Буду я еще со всяким шутлом распинаться?! За такое высокомерие и отсутствие уважения к офицеру империи Российской – радуйся, что не получил пулю в лоб или по своей смазливой морде! Считай – я сегодня добрый!

Такого отношения к себе незнакомец явно никогда еще не испытывал и в первые секунды даже оторопел, очутившись на канатах. Ярослав тем временем решительно пошел по трапу, но едва взойдя на него увидел, что трап ведёт не к причалу, а к каменистому черному рифу, окруженному морем. По морю вокруг стелился густой туман. У камней виднелись обломки какого-то судна, а на камнях самого рифа, едва виднеясь, проступало изображение, похожее на девушку. Повеяло холодом. У Ярослава возникло ощущение чего-то зловещего при виде этих камней, и по сердцу проскочила волна испуга.

«Чертовщина какая-то?!» – подумал Ярослав, смутно понимая, что такого в реальности быть не может, а если это сон, то явно дурной. Он обернулся назад, где оставался оскорбленный незнакомец, и услышал:

– Ты даже не представляешь с кем говоришь! Ветер и волны хочешь?! Смелый смотрю сильно! Ну, увидим...

Испугать Ярослава любыми речами было сложно, но от этих с чего-то сердце ёкнуло второй раз, закралась

мысль, что он по неаккуратности и вправду вызвал дьявола.

Незнакомец завел руку за спину откуда достал черную шпагу и ринулся на Ярослава. Ярослав моментально выхватил саблю и отточенным движением перехватил атаку, отогнал врага на расстояние, чтобы перестроиться в более удобное место.

Завязалась схватка. Незнакомец прекрасно владел шпагой, умело атаковал, отлично защищался, ловко маневрировал и непренужденно двигался. Иногда казалось, что он словно плавает в воздухе, уклоняясь от ударов и оставляя за собой лишь дымчатую тень. Атаки были невероятно сильны для такого худого человека. Ярославу стоило усилий отбить стремительные и мощные удары незнакомца. Даже сабля выла от силы получаемых ударов, едва не ломаясь.

«Достоино дерется, сукин сын! Откуда столько силищи в таком тщедушном теле?!» – подумал Ярослав удивляясь, что один из его коронных ударов оказался успешно и легко отражен.

Драка затягивалась, и усталость давала о себе знать, а противник атаковал, как будто усталость ему и неведома.

«Да должно же у быть у тебя слабое место, мерзавец! Не уж-то и правда нежить?!» – думал Ярослав и уже понимал, что если это и сон, то чрезвычайно реалистичный. Еще он понимал, что с таким темпом враг попросту победит его измором. Силы кончались, дышать становилось труднее, пот ручейками стекал по телу.

Нужно было как-то вывести врага из равновесия, спровоцировать на эмоции и ошибки. Ярослав выхватил револьвер, но тот нанес удар ногой и ловко умудрился выбить его. Тогда Ярослав стал больше издеваться, острить в адрес врага и дразнить его, использовал подручные средства, попросту швыряя их, или пытаясь ими ударить.

В какой-то момент противник загнал Ярослава в угол и приблизился опасно близко. Только тогда Ярослав увидел, что незнакомец взбешен, и заметил, что его лицо похоже на рыло мурены.

«Да что ты такое?!» – пронеслось в голове Ярослава.

Ярослав ударил его ногой, затем локтем по морде и в появившийся момент взмахнул саблей, чтобы зарубить чудовище, но незнакомец ловко отскочил, и сабля скользнула по плащу.

Внезапно сознание Ярослава рассыпалось, превратившись в огромное, темное облако, через долю секунды рассеявшееся надвое. Словно с маяка сквозь туман в глаза ударил луч света, в котором за пару мгновений промелькнула жизнь очень милой молодой девушки. Она плыла на корабле. Но вот она же – в слезах и мольбах то ли о пощаде, то ли о спасении, и что-то случилось, кто-то ей угрожает. Вот море сменяется лагуной, и она на берегу, на огромной скале в слезах и криках готова броситься в воду. Она была молода и красива, но совершенно не знакома Ярославу. Ему запомнились ее голубые глаза и темные, чуть зеленоватые во-

лосы. Промелькнул силуэт лодки издали, невероятная гладь отразила ночное небо, от темной скалы повеяло холодом. И в тот же миг возник ураган, готовый поглотить какой-то неизвестный корабль, и на борту его девушка, что в отчаянии и ужасе закрыла руками лицо. И вот уже на фоне уходящей грозы обломки лодки у темной скалы и мертвое тело человека погружается в воду. Ярослав не понял ничего, лишь от неожиданности слегка отступил назад, готовясь отразить новый удар. Темное облако схлопнулось и обрушилось на него таким мощным потоком, что захлестнуло целиком, заполонив тьмой все вокруг. Ярослав пытался вздохнуть, но воздуха не было. Его били конвульсии и паника, словно он тонул.

В удушающей тьме прозвучал все тот же утробный голос: «Будет тебе ветер! Будут тебе волны!! А потом и посмотрим, что скажешь, увидев мою, как ты сказал, смазливую морду!!!»

Очнувшись ото сна

Ярослав, вздрогнув, очнулся, а рука моментально стала искать саблю. Раздался внезапный и громкий звук бортовой рынды, означавшей тревогу. Вокруг была суeta и какие-то невнятные крики.

– Подъем! Свистать всех наверх! – в шуме громко кричал старпом.

Ярослав привык просыпаться по команде и тут же включаться в процесс действий. Так было всегда, когда он хорошо знал, что делать. Морская среда для Ярослава хоть и была знакома не понаслышке, но тонкости поведения и принятия решений в той или иной ситуации ему были неизвестны. Именно поэтому, вскочив на ноги и быстро одевшись, он поспешил наверх, где перед ним предстала картина полного хаоса.

У матросов вопросов нет, каждый выполняет заранее продуманный алгоритм действий, многократно отработанный в учебе. И в шторм у них нет ни секунды, чтобы объяснять, что делать пассажирам, которыми оказались солдаты и офицеры.

Горизонт затянуло грозowymi тучами, корабль набирал скорость и шел по ветру и по течению напрямик в огромный шторм. Команда спешно меняла паруса на штормовые, закрепляла канаты и готовилась задрать люки. Солдатам и офицерам был отдан приказ закрепить весь груз и бортовые орудия, подготовить спасательные принадлежности и шлюпки. Всем остальным занимались матросы, главное им было не мешать.

Ветер усиливался с каждой минутой, поднимая волны всё выше. Экипаж действовал быстро, слаженно, без паники. Самый долгий процесс – это палубные работы и герметизация. При помощи подручных материалов или замазок нужно закупорить все палубные отверстия вроде цепных труб. Гер-

метизировать люки и иллюминаторы. Дублировать крепление баков, балласта, якоря и другого оборудования, размещенного на палубе. Подготовить плавучий якорь. Сложить тент кокпита. Убрать из кокпита вниз все незакрепленные предметы. Достать из форпика резервные веревки и разместить их так, чтобы в случае необходимости они были под рукой. Закрыть и зафиксировать крышки рундуков и ящичков, проверить спасательные шлюпки, их оснастку и готовность к спуску при необходимости. Все это делать надо быстро и одновременно, кроме герметизации, разумеется.

Капитан старался увести корабль правее шторма, но ветер как заговоренный менял направление и шторм двигался буквально за кораблем. Невооруженным глазом было件нятно, что буря идет знатная, с грозовым дождем, возможно смерчами, и сильным волнением моря.

В итоге корабль вернулся на судходный курс и было принято решение задраить люки и ложиться в дрейф. К тому времени уже пошел дождь и всем пассажирам было велено оставаться на соответствующей палубе и закрепиться.

Ярослав расположился у прохода, где то и дело бегали матросы, тот самый боцман и помощники капитана. Он всегда так делал, чтобы узнавать информацию раньше всех остальных и, как командир, иметь достаточную осведомленность для принятия решений. Капитан и старпом до последнего были на палубе или в кокпите.

Команда уже была полностью готова к шторму, когда по-

настоящему началась качка. Корабль летал, как при самом крутом скате с горы, и столь же крутом внезапном подъеме.

– Ну, что, мальчишки?! Кто не катался на каруселях и не успел сбегать в галльюн – советую терпеть, не то профос палубу будет оттирать вашими шмотками! В худшем случае вами! Ха-ха! Также советую не жрать ничего, покуда качка не утихнет, не то заблюете всю палубу! Принцев в погонах это особенно касается! – и посмотрел на Ярослава в ожидании реакции.

Боцману явно хотелось его задеть и спровоцировать. Но не тут-то было.

В ответ на то, что говорит боцман Ярослав лишь покачал головой. Но кто-то из дальнего темного угла таким терпением не обладал, и отозвался матерным посылом боцмана куда подальше.

Боцман, ни секунды не думая, ринулся в сторону на этот голос.

– Шторма им не хватает! Сейчас еще и мордобой будет! – сказал присевший рядом с Ярославом Сурков.

– Кто бы там не брякнул... сам нарвался! Даже разнимать не буду! – вздохнул Ярослав.

И драка вот-вот бы началась, да в этот миг по правому борту так ударила волна, что боцман отлетел влево, не успев закончить третий шаг, врезался в опору и вырубился.

– Хоть заткнулся, наконец! – раздался из глубины все тот же голос.

Сверху в это время послышались крики. Ярослав моментально среагировал и вскочив поспешил к лестнице.

Люк открылся, и забежавший матрос прокричал:

– Тревога! Капитан и старпом за бортом! Нужна помощь!

– Твою мать! Дождались... – только и произнес Ярослав.

Тем временем поблизости от корабля

Море ошетинилось волнами. Инферион, приняв облик огромного дракона, задействовал всю мощь морской стихии, ветра и грозы. Гнев в его сердце бушевал с яростью урагана. И неважно, сколько будет потрачено сил и погублено порабощенных им душ! Новый враг в лице Ярослава должен был быть наказан! Инферион лично хотел уничтожить этот корабль и разорвать тело этого жалкого человечешки на куски.

– Никому не вступать! Я сам разорву этого наглеца! – приказал он собравшимся русалкам и морским монстрам, предвеляя очередную бойню.

В мясорубке предстоящей бури и так было сложно выжить даже подготовленным людям, а неподготовленным и вовсе лучше было покончить с собой, чтобы не мучиться.

– Владыка в гневе! Видимо будет показательное выступление! – сказала Линея, подплывая к наблюдавшей за происходящим Арфее.

Арфея была главой армии русалок-убийц Инфериона. Она участвовала во всех битвах и была могучей воительни-

цей. И все же, всякий раз, берясь за оружие, она специально вводила себя в состояние гнева, чтобы биться, не думая о том, что она делает и скольких убьет. В последние годы она набралась опыта организатора, и атака на очередной корабль уже сложилась у нее в голове в операцию, когда прозвучал приказ Владыки и остановил её.

– Похоже, что так! Видимо, кто-то на корабле ему перешел путь! Его судьбе можно только посочувствовать!

– Не верю ушам, госпожа Арфея! Вы сочувствуете людям? Они же грязь и недостойны жить! Море принадлежит нам по праву.

– Уймись, Линея! Мы тоже когда-то были людьми. Сочувствие никак не говорит о поддержке! И противника надо уважать, даже если его ненавидишь.

– Простите, госпожа, я забылась!

– Они обречены, но пусть попытаются выжить. Тем слаще победа, чем сильнее сопротивление, и тем вкуснее еда, чем сильнее ее отбить.

– Узнаю вас, госпожа!

– Довольно пустых разговоров! Бери десяток русалок и заходите по левому борту! Всех, кто падет с корабля топите. Владыке не мешать. Он сам отдаст приказ, если сочтет нужным.

– Я слышу вас, госпожа.

Линея нырнула и с помощью эхолокации отдала приказ ожидавшим русалкам и русалам плыть к кораблю и готовить

оружие на случай команды.

«Давно не видела Царя в таком гневе! Хочу увидеть того, кто смог его столь сильно разозлить!» – подумала про себя Арфея. Окружив себя пузырем, она наблюдала. Волны омывали пузырь, но в сгущающейся погодной тьме ее было не разглядеть.

Инферион самолично двинулся к кораблю с прибывающим валом, и первый удар сделал по борту прихода волны. Удар был такой силы, что корабль накренило.

В это время на корабле

Потеря командного состава грозила неразберихой.

Солдаты оживились, ожидая команд. И почему-то все дружно уставились на Ярослава, хотя он был далеко не самый старший по званию среди солдат на корабле. Ярослав посмотрел на стоявших полковника и генерал-лейтенанта. Те как воды в рот набрали и стояли, не в силах родить приказ солдатам о спасении командиров корабля.

– Семь человек покрепче – за мной, остальным – организовать страховку! Стараться не разбиться и организовать уход за ранеными! Найти лекаря! – крикнул Ярослав, понимая, что от старших по званию ничего ждать не стоит.

Семеро, включая Суркова, вышли из толпы, остальные бросились вязать узлы для страховки и рассредоточились по палубе. Через две минуты страховку закрепили, и Яро-

слав с командой солдат вышли на палубу.

Увидеть своими глазами волны высотой в пятнадцать-двадцать метров – зрелище столь ужасное, что способно парализовать. Но это с вами произойдет ровно до первого удара молнии и хлестка ветра с дождем в лицо – приводит в чувства моментально.

Погода буйствовала. Дождь – как из шланга, ветер – как из турбины, молнии мелькали словно вспышки тысяч фотографов одновременно, а за громом едва можно было разобрать крики, разглядеть что-либо было сложно даже на палубе, не то что в море. Море словно взбесилось. «Веселее» всех во время шторма – «вперёд смотрящему», что в любую погоду остается на своей вахте, на самой высокой мачте. Остальным бесстрашным – веселиться на скользкой палубе.

Матросы уже успели бросить за борт спасательные круги и подготовить лебедку с сетью, оснащённой поплавками.

– Где они?! – крикнул Ярослав, ближайшему матросу, готовящему конец для лебедки.

– Вон там! – ответил матрос, указывая налево, – Были...

Как Ярослав ни старался и ни всматривался, кипящие волны в двенадцать баллов скрывали всё и всех. Вдруг на одном из гребней волн он все же увидел машущие руки около спасательных кругов, по всей видимости, принадлежащие старпому и нескольким матросам, которых тоже смыло с палубы.

– Вижу! Слева по борту, метров в пятидесяти от нас! Уно-

сит! Переложите курс, чтобы сеть доплыла! – крикнул Ярослав.

– Есть! – отозвались матросы, не разбирая уже кто отдает приказ, но раз отдает четко и ясно, значит надо выполнять.

– Сеть за борт! Пятеро на лебедку, двое со мной! – крикнул солдатам Ярослав и улучив момент ринулся к борту, где поспешил закрепиться. Следом за ним, по образу и подобию последовали помощники.

Сеть по волне отправилась в сторону тонущего старпома и матросов.

– Впереди большая волна! – раздалось от вперед смотрящего.

– Право на борт!!! – крикнул Ярослав.

Ярослав посмотрел вправо и увидел, как во вспышке молнии в глубине самой волны промелькнула чья-то тень. Тень была столь массивная, что это было даже невероятно. Он подумал, что показалось, и продолжил командовать спасением людей. Паруса к тому времени спустили и выбросили за борт плавучий якорь. Корабль болтало, но уже не во все стороны.

Сеть тем временем доплыла до места, где были люди на спасательных кругах. Казалось, что все идет неплохо, как вдруг веревки сети и спасательных кругов резко натянулись, да так что корабль даже повело, затем резко ослабли.

– Что за черт?!! Тяните! Быстро!!! – крикнул Ярослав матросам и солдатам.

Но вытянулись только оборванные канаты сети и концы

веревки. В море не было видно никого.

– Видишь кого-нибудь? – орали матросы вперед смотрящему, пытаясь сквозь шум докричаться.

– Никак нет! – послышалось в ответ.

В моменты, когда происходит что-то неясное, первая мысль которая приходит – мысль о самом мистическом. Вот и Ярослав тотчас подумал о Морском Дьяволе и его угрозах, что снились ему около часа назад.

– Ублюдок Дьявольский! Если это, конечно, ты!.. – выругался Ярослав, стукнув кулаком по борту, – Ничего уже не поделаешь... Выровнять корабль по ветру и положить в дрейф! Все с палубы, пока не смыло! – крикнул он всем на палубе.

Пока матрос у руля выравнивал курс, на корабль уже двигалась новая волна, грозящая захлестнуть и перевернуть судно. Заметив это, Ярослав кинулся к нему и буквально за шиворот потащил вниз. Едва успели задраить люк, как обрушился новый удар. Дерево корабля даже взвыло, как от боли. Возник крен под тридцать пять градусов. Многие, кто не успел ухватиться, падали. Несколько сильно разбились, а матрос, которого Ярослав оттащил от штурвала, сломал руку и ребра. От удара сорвало несколько люков, закрывавших пушки. В отверстия хлестала вода.

– Врача!!! – кричали побитые матросы и солдаты.

Лекарь же хоть и спешно оказывал помощь, но перемещался между пациентами не быстро, боясь разбиться, если

придет еще волна, когда не ожидаешь.

– Я не успел закрепить штурвал! – крикнул матрос Ярослав, пока ему помогали.

– Проклятие! Этого не хватало! Ладно, отдыхай уже, я сделаю! – ответил Ярослав.

Вдруг в отверстии от люков, куда он случайно посмотрел, снова промелькнула тень и будто гребень неизвестного существа.

– Это уже не показалось... – произнес Ярослав и стал пробираться к люку.

Боцман так и валялся на полу, его только привязали, чтобы не болтался и не побился, но попытаться помочь никто не спешил. Перешагнув его и выглянув в люк, Ярослав не мог поверить своим глазам. Из воды выплыла огромная морда неведомого доселе монстра. Наполовину рыба, наполовину дракон с огромной зубастой пастью, небольшими вдавленными зелено-синими глазами, от головы по спине шли три шипованных гребня-плавника. Огромный монстр мог запросто разломать корабль, как ударом, так и пастью, но он почему-то просто всплыл и наблюдал. Казалось, будто морда посмеивается над тем, как корабль бьют волны, крутя во все стороны из-за незакрепленного штурвала.

– Так значит ты, мразь, мне не приснился?! – произнес Ярослав, – А теперь еще и смеешься?! Ну, погоди же, засранец! Получишь своё!..

Он обернулся к морякам и солдатам и крикнул:

– Немедленно подготовить пушки к бою!

– Как? В такой шторм? Да и пороховой погреб боцман открывает! – произнес неподалеку стоящий матрос, который при падении разбил лицо.

– Ага... ну, значит пора будить этого кабана! Разлегся тут, понимаешь ли!

Ярослав кинулся к боцманской туше и стал его тормошить, но тот все никак не очухивался. После двух вёдер холодной воды в лицо, боцман зафыркал.

– А?! Чего? Кто посмел?..

– Дед-Пихто! Поднимай задницу, боцман! Тревога! Нас атакуют!

– Кто? – тут же поднялся боцман.

– Дьявол Морской!

– Какой, на хрен, Дьявол? Напился что ли?..

Ярослав заткнул рот боцману и силой повернул его физиономию в сторону люка, где еще была видна морда монстра.

– Теперь понял, какой???

– (нецензурная лексика) себе!!! – только и промолвил боцман.

– Заканчивай тарашится, моряк! Быстро орудия к бою! Я поднимусь за штурвал и буду маневрировать, а вы поливайте его свинцом, если вздумает напасть! Как понял?

– Понять-то, понял! А ты умеешь рулить-то?

– Не сомневайся! – солгал Ярослав, – Но, если ты рвешь-

ся на палубу – я уступлю! Стреляю я не хуже твоего! Ключи от трюма давай, и вперед! – сказал Ярослав и демонстративно протянул руку.

Тот посмотрел на руку, потом еще раз в отверстие люка, и, подхватившись, заорал:

– Все за мной, быстро в пороховой погреб! Брать все! – крикнул боцман и ринулся в трюм.

Ярослав же ухмыльнулся и последовал к люку на выход.

– Капитан! Я с вами! – Сурков ухватил Ярослава за руку у самого выхода.

– Нет! Передавай команды! Страхуй, чтобы меня не постигла участь капитана и старпома! И вытягивай, когда дам знак! – ответил Ярослав, – А вы все слушайте его! Через него буду передавать команды!

– Есть!

Обвязываться страховочными канатами было невероятно трудно – корабль с незакрепленным штурвалом на плавучем якорю мотало из стороны в сторону до тошноты.

С помощью чуда и огромного количества мата, Ярослав все же закрепился, а Сурков встал держать конец с парой солдат и слушать команды.

– Готовы?

– Так точно! Удачи капитан! – сказал Сурков.

– С богом! – ответил Ярослав.

Он громко выдохнул и, открыв люк, стал выползать на палубу. Опять ветер напололам с морской и дождевой во-

дой в лицо. Качка такая, что путь в несколько метров занял у Ярослава почти десяток минут. Но до штурвала, ценной невероятных усилий, чтобы не сорваться и не улететь за борт, он все-таки добрался. Да вот как его удержать при такой волне?! Помогла сабля, которой он сперва закрепил штурвал, а потом, дождавшись схода волны, вынув ее, попытался скорректировать курс. Сил едва хватало, будто это не качка, а кто-то специально поворачивал судно вопреки его усилиям.

К этому времени, боцман с моряками уже подняли несколько бочек с порохом и ядра из трюма, и готовили пушки к бою. Выучка российских моряков была на уровне автоматизма и даже в лютой качке они работали как слаженный механизм.

Чудовище к этому времени уже скрылось под водой. Появившись снова как раз под накатывающую волну, оно бросилось в атаку корабля справа в носовую область. Это дало бы брешь кораблю и неуязвимость от огня пушек морскому ящеру. Но Ярослав заметил угрозу и, развернув корабль правым бортом, командовал открывать огонь с правого борта по очереди из всех орудий. И как только монстр показал свое «личико», выскакивая из-под гребня волны, как в него грянула очередь ядер, поколотивших ему приоткрытую пасть, зубы и явно поставив фингал под левым глазом. Монстр издал низкий содрогающий рев. Атака была сорвана, да и волна ударила по судну не так сильно, хотя при маневре

боком к гребню могла спокойно перевернуть и потопить.

– Прищурился, бес?! Пожуй-ка свинца! – радостно крикнул Ярослав, – Заряжайсь!

Но радоваться было рано. Морского дьявола это только разозлило. Молнии сверкали целыми раскатами и били в волны. Монстр нырнул под судно и спиной ударил под правый борт ниже ватерлинии. Корабль сильно шатнуло. В трюм хлынула вода, а управляемость и маневренность судна резко упали.

– У нас течь!!! – крикнул Сурков снизу, – Надо уходить из-под атаки!

– Блокируйте трюм! Латайте течи! – крикнул в ответ Ярослав, – Сам знаю, что надо уходить! – произнес он скорее себе, – Ну, паскуда! Я тебе так просто не сдамся! – крикнул он Морскому Дьяволу.

Нужно было обрубать плавучий якорь, который буквально держал корабль на месте. Но для этого надо было добраться на самый нос корабля. Делать было нечего – только рисковать.

Ярослав закрепил штурвал на курсе от волн и поспешил по палубе к носу корабля. В этот момент морда Дьявола вновь появилась слева. Ящер двинулся в атаку на корабль, но уже то и дело подныривая, а не бросаясь сверху.

Тут, надо сказать, боцман проявил свою смекалку и опыт. Подгадав момент, когда Дьявол вынырнет и снова нырнет, он сразу открыл огонь из нескольких орудий. Ядра угодили

прямо по спине и плавникам. Монстр взвыл от неожиданной боли, импульсивно вынырнул и тотчас из всех орудий получил по морде. Рев был такой, что казалось, будто само море стонало и выло от боли.

Ярослав тем временем добрался до носа и саблей рубил канат плавучего якоря. А канат этот черта с два перерубишь, не смотря на остроту клинка. Да и попробуй, размахнись, когда палуба то и дело уходит из-под ног. Минуты кажутся часами, а силы утекают, как вода из рук.

«Да рубись же ты, паскуда!» – только и думал Ярослав, изо всех сил с криком нанося удары.

И все же, после ударов тридцати или сорока, канат был перерублен, и корабль сорвался с места, набрав ход в несколько десятков узлов. Скорость была невероятна для этого судна, только держись.

– Тащите меня назад!!! – изо всех сил крикнул он, махая Суркову.

Даже просто идти уже мочи не было, не говоря уже о том, чтобы пересилить качку на скользкой палубе. Ярослав просто упал и лишь старался держаться руками в моменты качки, пока его тащили на страховочной веревке. Как только его вытащили, а люк был задраен, Ярослав, наконец, расслабился и тотчас потерял сознание. Последние силы иссякли.

В это время в море

Арфея видела всё. Она и отряд первоклассных русалок-убийц были наготове для очередного нападения на корабль. За годы службы это уже стало обыденной работой для большинства ее сородичей, но не для нее. Для Арфеи каждый бой и его планирование были серьезным делом, в котором на кону стояли не только жизни сестер и братьев, но и ее репутация.

«Даже, если противник слабее, нельзя считать его побежденным, пока искра жизни последнего не утонет в море! Его нужно уважать и бояться, но не давать пощады!» – не раз говорила она, видя несерьезное отношение к битве новых рекрутов.

Так было и сейчас. Многие считали одинокий корабль без эскорта абсолютно ничтожным врагом, с которым разобратся можно едва ли не играючи. Именно так считала Линея, для которой, казалось, вообще нет ничего святого, и битва лишь игра. При разговоре с ней казалось, что даже русалкой она стала добровольно. Хотя глупо было так считать, учитывая, что все они такими становились, будучи утопленными и преображенными Инферионом.

Двигаясь в прикрытии шторма к паруснику, мысленно Арфея уже прикидывала план атаки, которым короткими фразами обменивалась с Линеей.

Арфея – прекрасная молодая девушка с худеньким лицом, большими глазами и длинными волосами цвета морской волны, которые она собирала в хвост перед битвой. Ни-

же пояса у нее был мощный хвост, благодаря которому она могла развить невероятную скорость под водой. В ней сочеталась особая привлекательность в смеси со строптивостью и агрессивностью. Она запросто могла бы показаться милой и безобидной будучи без оружия, но с оружием в руках от нее лучше было держаться подальше. Тело покрывало атласное платье, что она сама изготовила, с прорезями по бокам. На груди и поясе были ремни, удерживающие оружие – кинжал, несколько ножей, кнут и небольшой арбалет со стрелами в колчане. Все сделано так, чтобы она могла легко и в любой момент их выхватить и использовать в бою.

Арфея была на особом счету у Инфериона и считалась сильнейшей русалкой-убийцей на всем Черном море. Она искусно владела холодным оружием, арбалетом и кнутом. Схватку с ней не мог пережить никто, даже стоя на твердой земле, а при бурях и по-прежнему. Для нее же это стало за годы службы родной стихией.

Не раз Арфея даже нарушала приказы, но ей это прощалось, так как она всегда возвращалась с богатой добычей людских душ для Владыки. Долгая служба закалила в ней дух бойца, а общество русалок воспитало в ней хитрость и невероятные умения как в соблазнении, так и в обмане. За отличную службу на протяжении более семидесяти лет ей даже были дарованы магические способности управления ветром и течением, а еще подарена собственная лагуна.

на на крымском берегу, называемая «Мертвой бухтой»⁷, где она могла отдыхать, не боясь быть обнаруженной и скрыв ото всех свою сущность.

Русалки были своего рода мобильными отрядами войск Инфериона. Выходя на берег, они снова могли обрести ноги вместо хвоста, но при этом их внешность сильно изменялась. Находясь на суше, они превращались в тех утопленниц, коими и должны были стать после момента смерти. Эту нехитрую систему создал Инферион, чтобы его рабы преданно оставались в его служении. Постепенно при продуктивности службы проклятие отступало, дабы давать наиболее боеспособным русалкам больше мобильности в бою при передвижении и действии на суше и на палубах кораблей. Но так было далеко не со всеми, что заставляло несчастных пленников заклятия морского владыки всегда соревноваться и выслуживаться. Тем не менее, это касалось только добычи душ для владыки. Убийство одной русалки другой считалось тяжким преступлением, за которое могла последовать казнь или иное наказание на усмотрение Инфериона. Оттого русалки хоть и могли друг друга недолюбливать и строить козни, но никогда не устраивали открытые противостояния и напоминали скорее стаю или даже секту, где каждый брат или сестра были ценны для всего сообщества. Силу такого сообщества можно было сравнить разве что с профессиональной армией.

⁷ Мертвая бухта находится рядом с Коктебелем. Феодосия, Крым

Арфея была на пике, а потому, когда принимала человеческий облик, о ее мертвом начале говорили лишь детали: темные глаза, отблескивающие золотом, и зубы, что были, скорее, как у хищной рыбы. Только в ее лагуне она обращалась в ту девушку, которой была когда-то без уродства. Но уйти с берега она не могла в таком виде.

Ее сподручная Линея была менее сообразительной, более агрессивной, но при этом исполнительской. Она восхищалась Арфеей, боготворила Инфериона, но втайне мечтала занять место Арфеи подле Владыки. Ее козырем были жестокость, подлость, физические навыки и невероятная хитрость. Внезапные засады, налеты исподтишка – это ее рук дело. Она была не прочь также поучаствовать в более сложных операциях и побыть продажной девкой у тех, к кому велел пойти Инферион, чтобы выведать нужную информацию. Она была красива и аппетитна, умела танцевать и петь, владела искусством обольщения, а также отлично плавала. Обладала умением управлять течением, зовом русалки и оглушающим криком. В бою она была как умелый сержант в армии, а также штурмовик. Владела мечом и без промаха метала ножи.

В этот раз Линее нужно было заблокировать управление корабля и ждать сигнала к атаке на abordаж, окружив корабль с русалками-бойцами подле носа корабля.

– Похоже, вы волнуетесь, госпожа? – обратилась Линея, подплывая к Арфее, которая, будучи поодаль от корабля

смотрела не отрываясь.

– Ничуть! Лишь думаю, что может пойти не так!

– Мы потопили уже столько подобных суденышек и все без потерь! Судя по их готовности к бою – жди легкой добычи!

– Ты очень часто недооцениваешь противника, сестра!

– Врага нужно победить! Разве не так?

– Сосредоточься на задаче и отправляйся! Будь готова действовать по сигналу!

– Да, госпожа!

– Нет!! – вдруг раздался глубинный голос Владыки моря в головах обеих, – Я сам разберусь с этим наглецом!

– Не атаковать? Но ведь мы уже наготове! – удивилась Арфея.

– Я не повторяю приказы!!! – гневно ответил Инферион. Обе русалки обернулись и увидели тело огромного змея неподалеку.

– Я слышу вас, господин! – ответила Арфея.

– Будем просто наблюдать?! – удивленно сказала Линея, посмотрев на Арфею.

– Поспешите на место! – ответила Арфея, не очень одобряя такой шаг Владыки, но не смея ему перечить. Создав вокруг себя пузырь, она принялась наблюдать за всем происходящим, оставаясь никем не замеченной.

«Обычно Владыка не ввязывается в открытый бой! Что же его заставило самому выйти на тропу войны?! Что ж! По-

смотрим!» – пронеслось в голове русалки.

Начался поединок Инфериона с кораблем и казалось, что все закончится быстро. Море вновь будет полно криков тонущих людей, что скроет шум волн и ветра, но картина менялась стремительно, что явно не входило в планы Инфериона.

Арфея не могла поверить глазам, и тем более ушам. Точнее тому, что приказа атаковать от Владыки моря так и не поступило. Она испытывала гнев и одновременно восхищение. Впервые она видела не горстку паникующих людей во власти стихии, а слаженную группу людей, борющихся за выживание. Но вершиной был незнакомец, что отважно вышел на палубу и принялся управлять кораблем.

Поняв, что ситуация вышла из-под контроля, она лопнула пузырь и очутившись в воде ринулась к кораблю, попутно достав кинжал.

Под днищем она заметила отряд Линеи, пытавшийся обвить веревками, сетями и водорослью рулевую балку, которая издевательски виляла, не давая ничего нормально сделать. Видела пробоину, но недостаточно большую, чтобы можно было попасть внутрь судна.

Оценив ситуацию, она поняла, что если плавучий якорь будет перерублен, то корабль уйдет и вся добыча ускользнет из рук, словно угорь. Если бы битва была под ее руководством, она могла бы уже применить магию течения и подвести корабль под захлестывающую волну, чтобы перевернуть

его, но атаковал Владыка, и этого делать было нельзя. В противном случае она могла ему просто помешать. И все же она понимала, что нужно что-то делать.

«Ну уж нет! С приказом или без, но вам не уйти!» – решила, наконец, океанида.

Русалка готовилась сделать бросок и выскочить на палубу при удобном случае. Она подплыла к борту и вынырнула, чтобы осмотреться и наметить место, куда она сможет подскочить при набегающей волне. И вдруг она увидела его. Того, кто добрался до креплений якорей и уже во всю рубил их. И вдруг случилось немыслимое, словно наваждение, Арфея вдруг сочла, что уже видела этого человека раньше и знает кто он.

Сердце океаниды, которое уже долгие годы не чувствовало ничего, что не было связано с чувством горечи, боли, гнева и безысходности, вдруг дрогнуло. Это было как укол в самое сердце. Даже губы дрогнули.

«Алексей? Неужели! Как это может быть? Прошло уже столько лет!» – пронеслось в голове изумленной Арфеи, для которой само время на секунду исчезло, – «Нет! Это не может быть он!»

А ситуация менялась с каждой упущенной секундой. Огонь с палубы непрерывно обрушивал на темного Владыку град раскаленного свинца.

– Арфея! Сейчас или никогда! Атакуй, мы прикроем! Они же уйдут! – донесся сквозь шум крик Линеи.

Арфея же находилась в смятении и не знала, как поступить. Крик Линеи, привел ее в чувство, но набегающая волна уже была слишком близко, она не успела взять разгон для броска. Русалка нырнула и разогналась, но едва выпрыгнув из воды она увидела лишь уходящий на огромной скорости корабль. Незнакомец успел оборвать плавучий якорь.

Арфея нырнула обратно и к ней подплыла Линея:

– Почему ты не атаковала? Ты же могла его остановить!

– Приказа не было! – ответила Арфея, хотя понимала, что это отговорка и по сути ее промах.

– В погоню?

– Я сама! – ответила она и устремила следом за кораблём.

Корабль под ударами волн набрал такую скорость, что догнать и выпрыгнуть на палубу было невозможно. На очередной волне Арфея, отчаянно подскочив в прыжке, с криком выпустила стрелу из арбалета. Уже касаясь бурлящей воды, она увидела, как незнакомец упал.

Она не знала точно – попала ли, но по всему выходило именно так. Сердце бешено колотилось, но даже сама океанида не вполне понимала от чего именно – от погони или от увиденного ею человека. Возможно, она его убила, но странное чувство противоречия разрывало ее душу и сознание. Она не хотела его смерти. Чтобы хоть как-то себя успокоить и вернуть холодный рассудок, она несколько раз сама себе сказала мысленно: «Это был не он! И он

мертв!». Проводив взглядом удаляющийся корабль, она поплыла к сородичам, чтобы затем предстать перед Инферионом с объяснениями за промах.

Спустя сутки на потрепанном стихией корабле

Очнулся Ярослав когда уже все стихло. Чуть менее двенадцати часов, что он был без сознания, пролетели для него как мгновение. Придя в себя, Ярослав ощутил жутчайшую боль во всем теле. Голова болела сильнее, чем после самой жуткой пьянки. Тело как будто горело, мышцы всего тела были как каменные и ныли, будто от тысячи мелких огнестрельных ран. Слева болело так, что глубоко дышать было больно. Руки были в разодранных в кровь мозолях, забинтованные тряпьем. Пошевелиться – боль, встать на ноги – пытка.

Ярослав заметил, что рядом был корабельный лекарь. Он хотел к нему обратиться, но голоса не было, и вместо речи он закашлял. Лекарь, заметив, что Ярослав пришел в себя пошмыгал дать ему воды, той самой тухлой, конечно, но сейчас на это было плевать, в горле пересохло как в пустыне.

Оглядевшись и убедившись, что все тихо, Ярослав откинулся в гамаке. Голоса почти не было, но он все же спросил доктора:

– ...Расскажите, что было?..

– Если коротко – вы герой, Ярослав Владимирович!!

Спасли нас от неведомой силы шторма и еще более неведомо-

мого чудища! Каждый на корабле, включая меня, вам обязан жизнью! Командный состав и семерых матросов смыло, упокой Господь их души, у руля сейчас боцман, как единственный старший по званию, оставшийся на корабле. Корабль получил повреждения, но на плаву. Часть отсеков нижней палубы, включая трюм затоплено, поэтому идем медленно, но идем. Припасов совсем мало, но с божьей помощью выживем все. Возможно, к вечеру прибудем к берегам Адлера.

– Что со мной? Почему так больно? – едва просипел Ярослав.

– Ушибы, стертые руки и ноги, похоже, несколько ребер слева сломаны, и усталость. Точнее сказать трудно в таких условиях. Вам просто надо отдыхать и приходиться в себя. На берегу, лучше обратиться к тамошним докторам для лечения, – сказал доктор, каким-то успокаивающим тоном.

– Можно еще воды? – прошипел Ярослав, и доктор, вновь зачерпнув из бочки, напоил его.

– Еще мы нашли очень странную вещь, застрявшую в тканях вашего мундира. Она вас поранила, но не серьезно. Откуда она у вас? – спросил доктор и взял со стола стрелу от арбалета.

– Не имею понятия... Это не мое... – промолвил в ответ Ярослав.

– Ну, хорошо! Отдыхайте, – лишь ответил доктор и положил стрелу обратно.

Ярослав, более ничего не говоря, снова откинулся в гама-

ке и заснул. На этот раз со спокойной душой.

Проснулся он, когда корабль уже причалил. Не то сам, не то потому, что Сурков разбудил. На нижней палубе уже никого не было, кроме него.

Подняться было тяжело, но уже было надо – без вариантов.

– С прибытием Ярослав Владимирович! – радостно сказал Сурков, – Давайте помогу...

– Спасибо, сержант!

– Бог с вами! Это вам – великая благодарность!

Он был так одухотворен и воодушевлён, что это буквально читалось на лице. Если раньше Сурков смотрел на Ярослава просто с восхищением, то сейчас это был взгляд как на Бога. Все было на месте, кроме сабли, но Ярослав подумал, что вероятно потерял ее, когда его тащили с палубы на тресе, он уже тогда слабо помнил подробности.

«Все разбежались, кроме Суркова! Вот ведь... Спасай такой сброд... Рискуй ради них... Никакой, сука, благодарности!» – подумал Ярослав, хотя и не ожидал иного.

Одевшись и собрав вещи, коих было не много, он, выйдя на палубу, увидел, что с корабля не сошли большинство тех, кто активно помогал бороться со стихией и чудовищем. Остальные, видимо под давлением высокого начальства, корабль покинули. Но и тех, кто остался было более пятидесяти человек.

– Здравия желаю, господин-капитан!!! – крикнули по-

строенные солдаты и моряки.

Ярослав воистину этого не ожидал и был в легком смятении от удивления. Хотя самолюбию польстило, что хотя бы простые солдаты ценят его дела по существу и достоинству.

Тем временем с мостика спустился боцман и дунув в свою дудку отдал приказ «kozyрнуть» и салютовать троекратным «Ура» в честь Ярослава. После раздались аплодисменты в честь героя.

– Обычно я много говорю, но сейчас буду не многословен – погоны носишь не зря, Ярослав Владимирович! – сказал боцман, отдав честь и вернул Ярославу потерянную саблю, затем пожал руку и возможно впервые в жизни от сердца добавил, – Честь для меня!

– Спасибо, боцман! – ответил Ярослав, забирая своё оружие, – Спасибо и вам всем, господа, большое спасибо! Армия – это не командиры и подчиненные – это мы! Солдаты и матросы! Бойцы! Герои! Честь для меня быть рядом с вами!

Несмотря на боль, он выпрямился и отдал честь. Солдаты вновь ответили тем же.

– Вольно, господа!

– Слышали, что капитан сказал?! А ну, все на берег! Довольно палубу топтать! – крикнул боцман и, усмехнувшись, похлопал Ярослава по плечу, как назло со стороны болевших ребер, от чего он закашлялся.

– О! Извини, родной! – усмехнулся боцман и оскалился

своей издевательской улыбкой. Но на этот раз без иронии.

– Как звать-то? – поинтересовался Ярослав.

– Семён!

– А вот скажи-ка, Семен. Ты оказался такой лихой командир батареи... Так как же в боцманах-то оказался?

– Как-то спьяну пролил ведро помоев на сапоги адмиралу, так все прошлые заслуги и пошли прахом. Во всех смыслах – изгадил себе карьеру!

– Несправедливо! Отменный стрелок пропадает.

– А в жизни вообще справедливости не бывает! Я перестал жалеть о том, что было. Да и за порядком на судне кто-то должен следить. Кроме того, здесь я хоть могу быть собой, не боясь ничего, кроме как получить по морде!

Оба оглянулись на потрёпанный корабль и Ярослав сказал:

– После того, что было, работы много будет.

– Работа будет и жалование будет! Главное, чтобы на берег не списали! И на том хорошо! Но за то, что снова дал шанс пострелять – с меня бутыль!

– Рад знаться Семён! – сказал Ярослав и протянул руку, – Удачи! – боцман в ответ довольно крепко сжал руку.

– Еще свидимся! – усмехнулся Семен и сделал жест, говорящий о том, что он будет за ним следить.

Ярослав улыбнулся и снова покачал головой. Так и расстались.

Потом было двухнедельное лечение в курортном госпита-

ле Сочи, откуда Ярослав написал депешу отцу и попросил денег на дорогу, так как его «утонули». Затем более скучная в отличие от морской поездки неделя пути до родных мест.

На сей раз, отец встретил сына у родного порога. И в честь возвращения закатил недельный праздник, позвав весь поселок. Оказалось, что слава о том, как Ярослав спас корабль и почти весь экипаж в шторм дошла и до этих мест быстрее самого Ярослава, не говоря уже о подвигах на войне с османами.

Впоследствии о происходящем празднике герой помнил весьма смутно. Зато печень явно эти дни запомнила надолго.

В то же время у подножия горы Карадаг

На закате, когда солнце садилось и наступали сумерки, врата освещались его последними золотистыми лучами. В это время открывался проход. Русалки ожидали этого момента, чтобы проплыть через них и оказаться в замке Инферриона.

Каждый раз, проходя через них, каждая русалка испытывала страх. С одной стороны, потому что предстоит держать ответ перед Владыкой моря, с другой, потому что сама процедура входа в его владения была связана с воплощением в человека и ощущением утопления. Предстояло откашлять воду и стоять в мрачном зале с колоннами в абсолютно нагом виде.

Инферион неспешно прохаживался подле стоящих обнаженных фигур, которым было запрещено прикрывать свою наготу, будто бы оценивая каждую из них. Но если в прошлые разы он действительно мог оценить каждого по заслугам и даже умудрялся шутить и улыбаться, то сейчас был предельно серьезен и строг. Пройдя мимо каждого, он подошел к Арфее. Девушка поклонилась и опустила голову, как и подобает в таких ситуациях. Он встал перед ней и поднял ее лицо за подбородок.

Арфее было не впервой стоять вот так перед хозяином, но каждый раз она чувствовала смущение и страх. Ведь на ее глазах он не раз убивал ее сородичей за провинности.

– Отчего же ты так грустна, Арфея? Ведь ты ни в чем не виновата! – сказал Инферион своим низким голосом.

– Что вы, господин?! Я не смею улыбаться даже в час триумфа!

– Считаешь, что это был час нашего поражения?

Арфея промолчала, так как не знала, что сказать, и лишь потупила взгляд.

Инферион отпустил ее личико и добавил:

– Проигранная битва вовсе не говорит о проигрыше в войне! И тебе стоит это понимать, как никому! И все же мы с вами стали свидетелями того, что врага не стоит недооценивать. Не так ли?

– Да, Владыка! – ответили собравшиеся.

– Я знаю, что некоторые из вас усомнились в нашем деле!

И возможно даже усомнились во мне, узрев то, что смертный посмел бросить мне вызов и остаться при этом в живых! Если так, то я вас не осуждаю! – внезапно как-то даже по-доброму сказал Инферион, продолжая неспешно ходить перед строем из стороны в сторону, держа руки за спиной, – Надо понимать, что все мы совершаем ошибки, которые дорого нам могут стоить. Тем не менее, если среди вас есть кто-то, кто считает, что ошибка лежит целиком и полностью на мне, то может высказаться прямо сейчас!

Ответом была тишина, лишь некоторые искоса переглянулись.

– Ну же! Не стесняйтесь! Я не накажу смельчака! Мне ведь важно, чтобы между нами было доверие.

– Разрешите, господин! – произнес Самир, что был обращен всего несколько месяцев назад, но был довольно сильным бойцом. Инферион сделал жест, чтобы он говорил, продолжая прогуливаться, оглядывая собравшихся, – Не считайте за дерзость, но я считаю, что командующая атакой русалка должна была отдать приказ о нападении, как только ситуация осложнилась! Ожидание сорвало атаку и поэтому добыча ушла.

– Очень емкое замечание! Многоуважаемая Арфея, что же вы скажите на это?

– Я не смела послушаться вашего прямого приказа, господин!

– Неужели? – ответил Инферион и остановился в конце

строю не оборачиваясь, – Тогда как же ты объяснишь тот факт, что ты единственная бросилась в погоню за кораблем и решила атаковать?

– Корабль уходил, господин! Даже моих сил не хватило чтобы догнать его. Это был жест отчаяния. Кроме того, я не желала, чтобы за мою вольность, отвечал кто-то, кроме меня.

– Какая странная ситуация получается! Выходит, приказа ты все же послушалась. И как же твоя атака? Была успешной?

– Я не знаю, господин. Видела лишь, что после выпущенной стрелы, человек упал.

– Нелегкая доля генерала на поле брани, не так ли? Принимать нелегкие решения и нести за них ответственность. – сказал Инферион и снова подошел к Арфее вплотную.

– Да, Владыка! – ответила девушка, а у самой едва от страха не подкашивались ноги и не тряслись губы. За последние несколько лет, она не раз была на грани того, чтобы нарваться на кару от Инфериона. Но всякий раз, когда смерть едва ли не заносила свою косу над ней, она понимала, что очень хочет жить. Даже, если это жизнью можно было назвать с натяжкой.

Инферион достал из ножен острый как бритва черный клинок. Арфею же не двинулась с места, хотя хотелось бежать. Морской дьявол размахнулся, затем в мгновении ока переместился к месту, где стоял Самир и пронзил его насквозь. Тот явно не ожидал такого исхода и с недоумени-

ем и ужасом смотрел на Инфериона, захлебываясь кровью. Затем Владыка тьмы оттолкнул кончавшегося в судорогах от боли парня, и он рухнул на мраморный пол. Никто не смел тронуться с места.

– Все вы должны понимать простую вещь – топить вы можете только тех, на кого охотитесь, а не друг друга! И тем более – верховную океаниду! Это закон! – сказал Инферион, вытирая клинок платком, который он достал из кармана сюртука, и затем убирая оружие в ножны, – Вы боритесь не друг с другом, а с врагом! И это сильный враг! Если не мы, то скоро люди поработят весь мировой океан. Все живое будет убито и пущено на корм этим ненасытным тварям! По одиночке никому из нас не выжить. Я даровал вам вторую жизнь, цель и великую силу. И срамить их не позволено никому. Предать друг друга – смертельный грех. Каждый из вас мне дорог! Но как бы я ни старался, выживут не все! И да, вы можете умереть на службе или от моей руки! Но чтобы этого не случилось – вы должны быть как единое целое! Бороться друг за друга и укреплять мощь нашей могучей империи. Только я дарую вам то, что по праву принадлежит обитателям морской стихии. Вам ясно?

– Да, Владыка!!!

– Ступайте! Похороните вновь преставившегося и разделите его добычу поровну! В ближайший день можете перевести дух. А затем снова будут битвы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.